

КНИГА III

РАСПЛАТА

ОТКРОВЕНИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Стася Андриевская

18+

Стася Андриевская
«Откровения о...»
Книга 3. Расплата
Серия «Откровения о...», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63099462
SelfPub; 2023*

Аннотация

После той злополучной поездки в Москву, где сразу двое близких людей показали своё истинное лицо, Люда то и дело слышит: «А ты изменилась». Она и сама чувствует, это и ей это очень не нравится, но другого выхода она не видит. Сейчас для неё нет ничего важнее, чем попытаться скрыть свою вину и любой ценой удержать Дениса. И она настолько одержима этой идеей, что совершенно потеряла страх перед теми, кто может не только требовать, но и наказывать...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	64
Глава 9	72
Глава 10	81
Глава 11	97
Глава 12	104
Глава 13	115
Глава 14	126
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Стася Андриевская

"Откровения о..."

Книга 3. Расплата

Данное произведение охраняется законом РФ об авторском праве. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и объёме без письменного разрешения правообладателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Все герои и события данного романа являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми и структурами считать случайными.

ВНИМАНИЕ! В тексте встречается ненормативная лексика, сцены эротического содержания и насилие без детального описания. Эта часть цикла крайне эмоциональная. Рекомендовано строго 18+

Глава 1

Я уж грешным делом надеялась, что в Олимпе меня будет ждать Денис. Дура, или мечтательница? Хороший вопрос, между прочим. Правильный.

Впрочем, как-то особо расстраиваться не было сил. В дороге, несмотря на ночной выезд, я практически не спала. Зато спал Башкатов – и храпел, и заваливался на меня, и характерно, так это нагло по-мужски, растопырявал колени, а мне страсть как не хотелось прижиматься к его бедру своим.

Одним словом, с затёкшей спиной и шеей, измученную и злую, Зойка наконец высадила меня у Олимпа. И если бы случилось так, что Макс тупанул и забыл о том, что в четверг, начиная с полудня должен ждать меня здесь – я бы его загрызла. Но он был на месте, несмотря даже на то, что мы подъехали только к четырём вечера.

В моей машине неуловимо витало что-то такое... Не запах, нет. Присутствие. Баба. Не объяснить по каким признакам – на уровне интуиции. Да и Макс вёл себя нетипично. И тоже – не объяснить словами как именно. Первой реакцией было психануть и загрызть-таки его. Второй – «Да и хрен с ним. Успеется...»

Дома прямо с порога набрала Медка. Не ответил. Я немного постояла, прислушиваясь к хрипам своей подыхающей гордости... и набрала Боярскую. Она тоже не ответила.

Забавно. А хотя, чего ожидала-то?

Когда было уже темно, но хрен его знает который час, потому что я к тому времени уже спала, меня разбудил звонок от Медка. Как добрались, как дела – дежурный набор «заботы» короче. Предисловие.

– Денис задержится, Люд.

А это уже ближе к теме.

– На сколько?

– Да хрен его знает, оно и так, видишь, не по плану всё.

– А ты откуда узнал?

– Так созваниваемся.

– М. Ладно. Давай.

Можно было бы, конечно, привет передать, или просьбу, чтобы Денис позвонил и мне... И я даже почти сказала это, но... Но.

Лежала потом, с перебитым сном, и думала – почему? Что не дало – гордость? И так получалось, что, как ни странно, да, она родимая. А впрочем, нет – ревность. А ещё – страх. Или вина?

Очутившись дома, в этих красивых стенах, под этими высокими фигурными потолками, искупавшись в режиме массажного душа и рухнув на широченную, удобную кровать, я вдруг ужаснулась. Потерять это всё из-за какой-то животной страсти, из-за не поддающегося контролю влечения и отрубившей мозг эйфории... Глупее не придумаешь. Хотя нет, есть и глупее – моя мелькнувшая в тот вечер мысль о том,

что это любовь. И поцелуй этот... чё-ё-ёрт. Чёрт! Как можно было настолько сдуреть?

Нутро горело. Это был даже не страх, а ужас неотвратимости. Я вспоминала пьяного злого Дениса, который тычет мне в нос собранные в щепоть пальцы: «Ещё раз... хоть вот на столечко... И это будет однозначно считаться блядством» И себя, лопочущую: «Никогда, Денис, никогда...» Блин.

Сказать ему всё самой? Огорошить сходу, свалить всё на Зойку? На Лёшку свалить?

И вот тут начиналось самое противное – я не могла на Лёшку. Несмотря на то, что, попадись он мне сейчас, в рожу бы плюнула, к чёрту бы послала и... и... Не знаю, что сделала бы – грудь разрывало от ненависти, но мысль о том, чтобы натравить на него Дениса... Нет.

Дура ты, Кобыркова. Он тебя предал. В глаза смотрел, за руку держал. Такие слова красивые говорил. Правильные. Макдональдс, таблетка от головы... Разрезанная на животе, запачканная кровью футболка. Взгляд этот, когда я стояла под дулом... Тогда казалось – сдохнет за меня, не задумавшись ни на мгновение. А потом...

И сбежал-то как трус, пока нас в гостинице не было. И даже словом за все эти дни не обмолвился что Башкатов приедет. Скотина.

А вот интересно, что бы он сделал, если бы я тогда сказала, что выбираю его?

От мысли об этом зажмурилась. Господи, спасибо, что не

дал мне тогда и пикнуть! Задушил слезами и всё. И спасибо, что не дал условий для бóльших глупостей, ведь я – стыдно подумать – я бы не удержалась! В тот вечер – не удержалась бы, вот правда, отдалась бы ему. Тогда ведь всё казалось таким... правильным. Как будто телега, потерявшая колею, вдруг снова попала в неё и сразу стало всё легко и просто. Н-да уж.

Какого чёрта, вообще? Что, ну что на меня нашло? Что я В НЁМ нашла?

Сама не помню как, залезла в сумку, достала фотки. Всматривалась в Лёшкино лицо и ничего не могла с собой поделать – под пластом ненависти чувствовала тепло. Да и ненависть ли? Скорее обида. Горькая, как полынь. Но виноват-то кто? Сама. Никто меня силком не заставлял. Увидела и потекла, как сучка. Не объяснить. Просто к чёрту его и всё! Выкинуть и забыть!

Собрала все семь фотографий стопочкой, собралась было порвать... И не смогла. Сунула обратно на дно сумки, в прореху между подкладкой и уплотнителем и рухнула в постель.

Подушка пахла Денисом, я обнимала её, представляя, как буду обнимать его самого, и понимала, что задачи главнее, чем всё исправить, у меня нет. Но совершенно не представляла, как это сделать. Кроме как довериться Зойке. А там – как пойдёт.

Глава 2

В пятницу, по дороге в общагу всё прислушивалась к себе – откуда это ощущение другой бабы в моей тачке? Чисто ведь, и запахов чужих нет, и всяких там волос на спинке кресла. Мистика какая-то. Или паранойя, что скорее. Даже забавно.

Макс расспрашивал о Москве, искренне поздравлял с победой. Но было в нём что-то, в его чрезмерно внимательно устремлённом на дорогу взгляде и беспокойно шарящих по рулю руках... Но я же не дура. Понятно, что пока меня не было, он развлекался. По полной. Интересно только кто она. Если Ленка, то это залёт, Макс. Это залёт! Русским языком перед отъездом предупредила, блин... У него любовь-морковь, а нам с Денисом всю контору попалит, идиот. Вот кстати интересно, любовь-морковь или так, сексы-кексы? Да и Ленка ли?

В общежитии меня ожидал сюрприз в виде блюющей матери. А ещё, вроде и видела её не так давно, но сейчас вдруг бросилось в глаза, как сильно она осунулась, побледнела. Сначала встревожилась, что болеет, а потом вдруг дошло.

– Мам, ты беременная что ли?

– Да прям, скажешь тоже! – а сама не знает, куда глаза деть.

– М... – детский сад какой-то. – А предохраняетесь чем?

Она вспыхнула, начала было наезжать, что я совесть потеряла – матери такое говорить... Но обломалась об моё спокойствие. Смешная такая. А то я не знаю, от чего дети рождаются, ага.

А вообще – капец, конечно. Вот в эту халупу с вечно занятым сортиром, с гнилыми полами и тараканами щекочущими по ночам ноги... Не завидую я ему. Или ей. Но блин... Ребёнок разве выбирает?

Глянула на мать как-то иначе. Не такая ведь и старая – тридцать четыре всего, той же Боярской тридцать три, но разница колоссальная. Во всём. И во внешности, и в здоровье. И в том, что мать в шестнадцать лет сбежала из дома, не желая делать аборт, а Боярская, при бабле и устроенной жизни сделала его по собственному желанию. Сколько ей было тогда, тридцать, тридцать один?

– Мам, а ты на учёт встала? Или что там, в таких случаях?

– Так рано ещё. Нужно чтобы недель шесть хотя бы было.

– А у тебя?

Она пожала плечами.

– В прошлом месяце ещё месячные шли.

– Может, тебе витаминчики какие-то?

– Да прям! Заходила я в аптеку, ага, пусть они сами их жрут, за такую цену! Скоро, вон, фрукты-овощи полным ходом пойдут. Толя сказал, этим летом кровь из носу, а надо комнату капитально отремонтировать. И батарею менять, и

проводку, а это, сама понимаешь... Как на пороховой бочке сидим, ведь, Люд!

– Я сейчас вернусь, мам.

Просто сказать, что Макс офигел, когда я послала его за витаминами для беременных – это ни о чём. Ещё велела заехать на рынок, творога взять, сметаны домашней, масла. Яиц. Мяса. Может, мёд будет.

Честно – я растерялась. Чувствовала, что должна что-то делать, а что, не понимала. Знала только, что на мне теперь большая ответственность за маму и за... Брат, сестра? Вообще не важно. Главное, чтобы всё нормально.

Когда, при виде пакетов с продуктами, мама резко отвернулась, думая, что я не замечу слёзы, мне жутко захотелось её обнять, но я так и не смогла сделать первый шаг. Наверное, ничто не проходит бесследно. Можно вырасти, всё понять, всё простить, наладить общение, но шнур от утюга и потоки брани, бьющей хлеще, чем ивовый прут – прямо по открытой детской душе, никуда не денешь. Впрочем, и мама тоже не рискнула ко мне подойти, хотя я видела – хочет.

Так может, не в ней дело, а во мне? Ссучиваюсь понемногу, м?

– Ты какая-то другая из Москвы вернулась.

– Какая другая?

Макс, не отрывая взгляда от дороги, дёрнул плечом.

– Не знаю. Другая.

– Да зазвездилась я, Макс, дураку же понятно. Не бери в голову.

Мотнул головой:

– Нет. Не в этом дело. Какая-то ты...

– Скурвилась?

Снова пожал плечом:

– Или надорвалась.

– Или? То есть вариант «скурвилась» ты тоже допускаешь? Спасибо, дорогой. Кстати, как там Ленка? – спросила специально в лоб, не спуская с него глаз. – Виделись?

Макс прикусил губу, сдерживая улыбку.

– Поня-я-ятно... Надеюсь, ты не катал её в этой тачке? Ма-а-акс? Ну-ка посмотри на меня...

Он глянул – мельком, под предлогом наблюдения за светофором.

– Нет, конечно, Люд. Я ж не дебил. Ты же понятно тогда сказала.

– Останови.

– Не понял?

– Останови!

Тормознул на какой-то остановке, включил аварийки.

– Что случилось-то?

Я не ответила. Молча вылезла и тут же забралась на заднее сиденье. Включила свет, поползла ладонью по кожаной обивке, заглядывая в щели, в пепельницы на дверцах и под коврики. Если и было что, то точно на заднем. Помнила я, как

жарил меня здесь Денис, чего уж там. Удобно. Даже очень. Макс как смог развернулся ко мне:

– Что ищешь?

– Улики, Макс, улики...

– Пфф! Я тебе честно скажу: тачка к твоему приезду из мойки, так что зря ищешь.

А я и сама видела, что она из мойки, а иначе, кому бы пришлось в голову так тщательно стирать пятно от обломившегося и случайно размазанного стерженька косметического карандаша, которое я поставила незадолго до отъезда?

Вернулась вперёд, откинула зеркальце, заглянула под сиденье, под коврик... Макс молча наблюдал. Интересно, ему хотелось ржать? Лично мне – уже да. Понятно же, что дура. Когда добралась до бардачка, Макс не выдержал, фыркнул.

– Люд, ну это уже...

И в этот момент я нашла. Блин, Лена, твою мать! Так нагло, так демонстративно и лично мне, прям как с пометкой «лично в руки». Перстень. Тот самый, что когда-то подарил ей Камар. Он лежал в уголке, под барсеткой Макса, под какими-то бумажками Дениса.

Торжествуя, я подняла его, держа за дужку кольца.

– И всё-таки ты debil, Макс!

Он не понимал. Он охренел.

– Мало того, что ты нагло мне брешешь и не выполняешь элементарных указаний, так ты ещё не вынимаешь документы, когда оставляешь тачку в мойке?

Он молча смотрел.

– Как тебе верить теперь?! Ты придурок, ты хоть понимаешь, что было бы, если бы его нашёл Денис? – я сорвалась и, захлёбываясь злостью, замолотила его ладонью по плечу. – Ты хоть понимаешь, что было бы тогда, сука! Макс, блин... – отбив ладонь до противного гудения, так и стоя наполовину на улице, упёрлась руками в своё сиденье, опустила голову, выдыхая... – Ни хера ты не понимаешь, Макс! А ведь это настоящая подстава с твоей стороны!

– Я... – он, с некоторой опаской поглядывая на меня, собрал рассыпанные по полу бумажки. – Люд, я всегда вынимаю, я же не дебил...

– Нет, ты дебил, Макс! Вот это, – сунуло перстень ему под нос, – это она оставила специально для меня. Потому, что я знаю это кольцо, и она прекрасно это понимает. А вот ты понимаешь, что это значит?! Да ни хера ты не понимаешь, Макс! Это значит, что она как минимум знает, что в этой тачке бываю я, понял ты?

Помолчали, разглядывая друг друга.

– Придурок... – я забралась в салон, ожесточённо хлопнула дверью. – Рассказывай!

– Что?

– Всё, Макс! – злоба пёрла из меня, противно будоража, провоцируя на ещё большую агрессию и грубость. – Где трахал, сколько, когда!

Он сложил руки на руле, поджал губы. Лицо сосредото-

ченно. Но не меня боится и даже, пожалуй, не Дениса. Просто охренел. Не ожидал такой подставы от Ленки. На мгновение даже жалко его стало. Мне ли не знать про подставы тех, от кого не ждёшь... Да, Макс, да. Ленка может. Понимать бы ещё, знает она точно или просто подозревает.

– Да ничего такого, просто катались.

– Да, да, да... Расскажи мне, ага! То-то ты в мойку попёрся!

Но Макс моей желчи не замечал. Он реально был убит.

– Не понимаю. Я забирал всё. Всё до последней бумажки.

Всегда забираю.

– Ну значит после, Макс. После встречались?

Он кивнул:

– Вместе на мойку ездили.

– Дебил...

– Я не понял, зачем ей это?

И меня вдруг осенило. Распахнула бардачок, снова вывалила все бумажки, закапываясь в них, как хомяк в газету.

– Где документы на машину?

– В барсетке. Но она под кодовым замком, только я и Батя знаем... Слушай, ты что, думаешь, она что-то украла?

– Дебил ты, Макс! Не забыл, о ком речь идёт? Украла, блин... ага... – огрызнулась я в ответ, приступая к остальным документам и тут же замерла. По сердцу прошёлся холодок. – За-ши-бись... – швырнула в него первой же бумагой, потом ещё и ещё. – Читай, твою мать!

Он взял верхнюю, растеряно шмыгнул носом, углубился в изучение. Если не ошибаюсь, это был подряд на какие-то там работы, где генеральным заказчиком значился Машков Д. И. Макс понял, куда я клоню, но не проникся.

— Ну да, косяк, но, Люд, она в жизни туда не лазила! Нахрена бы ей?

— А это что, Макс? — заорала я, швыряя ему на колени чёртов перстень. — Это что с неба свалилось и прямо в бардачок, под все эти бумаги, да? Да ещё и после мойки!

— Ты думаешь, она... — нервно поскрёб в затылке. — Но с чего... Блин. — Мотнул головой. — Ну я debil.

— Грамоту тебе за понятливость, Макс!

Сидели, молчали. Итак, Ленка, скорее всего, связала Максима, тачку и отца. И она не дура, чтобы не привязать к Максиму ещё и меня, пусть и эпизоды те были мимолётными. Вот только — к Максиму ли? Не к Денису?

Охренеть паранойя. С какой бы стати Ленке думать, что я имею отношение к её отцу?

— Что она знает о тебе?

Макс дёрнул плечом:

— Ничего. Она не рассказывает о себе, я о себе. Сразу договорились, что ничего личного, просто общаемся.

— Хм... Какая у вас романтика. И тебя это устраивает?

— Нет. Но что я сделаю? Я пытался разговорить, а она ни в какую. И о себе особо не рассказывает, и меня ни о чём таком не спрашивает.

– Круто. С таким же успехом могли бы письма друг другу слать и не создавать проблем другим.

Снова помолчали.

– Короче, Макс, либо она подозревает, что ты параллельно тусишь со мной, либо прекрасно понимает, что ты просто водила при её папаньке и подозревает, что со мной тусит он. Я других вариантов не вижу.

Макс усмехнулся, едва заметно мотнул головой.

– А варианта без тебя не предусмотрено, да?

Я задумалась... И поняла, что нет, не предусмотрено. Об этом свидетельствовало кольцо. Именно ЭТО кольцо. Нет, был, конечно, крохотный шанс на то, что это всё случайность, но мне что-то не верилось. Мне теперь вообще ни во что не верилось, кроме как в полное дерьмо, которое с ужасающей регулярностью лилось в мою жизнь со всех сторон.

– Ладно, допустим, ты права. И что теперь? – подал голос Макс.

– Денису надо рассказать.

Он вздохнул, и мне стало его по-человечески жалко.

– Что у тебя, прям любовь что ли?

– Да какая теперь разница... Поехали? У тебя тренировка через сорок минут.

– Большая разница, Макс. Секс или любовь?

– Да не было никакого секса, просто шампанское неудачно открыл, залил тут всё. Просто общались.

– Угу. Интересно о чём? Если учесть, что вы до сих пор

ни хрена друг о друге не знаете?

– Да обо всём, Люд! О погоде, о политике, о детях бездомных, о планах на будущее.

Я повернулась к нему:

– То есть о том, что ты интернатовский она всё-таки знает?

– Нет. Просто для неё эта тема оказалась важна, а я смог поддержать. Она классная, Люд. Я, если честно, таких, как она, ещё никогда не встречал. – Задумчиво покивал своим мыслям. – И с кольцом этим... Не ожидал. Не думал, что она так может. Получается, это всё... – растерянно развёл руками, – получается, она просто искала повод попасть в салон? Шпионила, типа?

– Получается, что так.

Уныло кивнул.

– Ладно, понял. Поехали, а то опоздаешь.

Глава 3

«Девочки» встретили меня цветами, и это было так же приятно, как и неожиданно. Какая уж тут тренировка, нафиг? Больше болтали. Бесконечные расспросы, истории на тему, и даже пущенная по кругу бутылка шампанского, которую притащила глава районного пенсионного фонда, между прочим.

Вторая тренировка прошла так же: цветы, милые презен-тики типа фирменного парфюма, импортного кофе и даже большого махрового полотенца с изображением обнажённой красотки в тёмных очках. Ощущение, что у меня день рождения. И даже лучше, потому что в день рождения у меня никогда ещё не бывало столько подарков и внимания.

Я растворялась в этой атмосфере. Словно становилась на голову выше самой себя, переходила на другой уровень жизни и авторитетности. Даже злость, мгновенно ударившая в голову, когда перед началом тренировок Галина шепнула, что Зойка свалила на пять дней на Шри-Ланку – и та отступила.

Кстати, Галя вполне разделяла моё возмущение. Потому что ещё вчера, вытряхивая нас, замученных дорогой и неудобным Башкатовым, из своего Мерса, императрица хлопывала нас по плечам и проникновенно подбадривала: «Девочки, работаем. Кровь из носу, а упущенную неделю на-

до нагонять! Сегодня отсыпайтесь, а завтра – как штык!»... А сама, уже утром следующего, дня свалила на курорт.

Но что мы могли? Проглотить и сделать вид, что так и надо. Хозяйка всё ж-таки. И мы проглотили.

Когда тренировки закончились, и в клубе остались только свои: Бородин, Нина, администратор Снежанка, Галина Николаевна и уборщица тётя Тома – из тренерской поплыл аромат колбасной нарезки, огурчиков и бухла... И это было очередным очком в пользу Олимпа. Коллектив у нас подобрался классный, чего и говорить, и особенно это стало заметно после третьего стаканчика шампанского. И даже когда под конец импровизированного фуршета, когда я уже стояла в дверях, собираясь уходить, появился Панин с двумя огромными букетами и, сославшись на просьбу жены, по-свойски расцеловал нас с Галей в щёчки и передал Зойкины благодарности – даже тогда я не изменила своего мнения. Я действительно не хотела бы потерять Олимп. Несмотря даже на сучку Зойку.

Ну так а в чём проблема, Милусь? И не уходи. Тебя ж никто не гонит...

Панин сыпал шутками, и обращал на меня ровно столько внимания, сколько нужно для того, чтобы подчеркнуть, что я вообще-то Мисс-фитнес, если что. Но не больше. Ничего личного. А вскорости и вовсе откланялся. И только когда он ушёл, до меня вдруг дошло, что лучшего момента отблагодарить за титул, чем сейчас, пожалуй, не придумаешь. Не

отходя от кассы. И не заходя в дебри.

Подхватила все свои букеты и кинулась за ним. Выскочила из подвала, мимоходом заметила как свежа и ясна ночь – здесь, в палисадничке не было ни одного фонаря, и от этого звёзды казались особенно яркими, – и аж подпрыгнула от неожиданности, когда в лицо мне ударил яркий свет. Уж не знаю, что за тачка была у Панина, но стоял этот чёрный, невидимый в темноте монстр прямо на тротуаре возле спуска в Олимп – буквально в паре метров от меня. Глаза в глаза, так сказать. Даже Зойка себе этого не позволяла, паркуясь где положено. Но, видать, негоже барину аж триста метров пешком идти.

Ослеплённая, я не увидела, только услышала, как открылась дверца. Сначала не поняла, так и стояла, щурясь, пряча лицо за букетами и ожидая непонятно чего. Но когда мне коротко посигналили и пару раз моргнули фарами, дошло: зовёт.

Где-то на задворках хмельной бдительности пискнуло благоразумие, но что я могла сделать? Тупо не пойти? Или, упаси бог, поманить Панина в ответ, опустив этим его и без того висячее достоинство? Нет. Зойка конечно сучка, но инструкции дала чёткие.

Прижав к груди цветы, успокаивая себя тем, что за углом меня ждёт Макс, да и народ скоро начнет выходить из Олимпа – тот же Бородин, например, я пошла. Замерла перед открытой задней дверью, всё пытаюсь проморгаться от радуж-

ных пятен перед глазами.

– Ты хочешь мне что-то сказать, малыш?

Добрый сказочник, блин. Как там увещевала Зойка – интересный собеседник, человек интеллигентный и безобидный?

– Эдуард Валентинович, вы извините, я совсем закружилась... Я забыла сказать вам...

– Чшш... Ну что же ты, так и будешь стоять за порогом? – рассмеялся он из темноты. – Забирайся скорее ко мне. Ну? Смелее, малыш! Я же не кусаюсь. – Снова рассмеялся.

Надо сказать легко рассмеялся, совершенно не страшно, даже тепло как-то. И я, всё так же ища спасения за букетами, забралась. Неловко, неудобно: пороги-то высокие, а руки-то заняты... Плюхнулась на сиденье и тут же, без всякой команды, водила вышел на улицу и, обойдя тачку, закрыл за мной дверь. И этот хлопок был похож на выстрел.

– Слушаю тебя, малыш.

Я нервно сглотнула и, глядя как по стене здания скользит длинная тень водителя, так и оставшегося снаружи в лучах фар, глубоко вдохнула. Выдохнула. Без паники. Всё нормально.

– Эдуард Валентинович, Зоя Андреевна рассказала о том, как сильно вы помогли мне с этим титулом, и я хотела бы поблагодарить вас за это...

– Ну так благодари, – перебил он. – Раз очень хочешь.

Я осеклась. В смысле, блин, благодари? А я что делаю?

Панин рассмеялся, тихонечко так, липко:

– Какая пугливая девочка. Ну ты же сама сказала – хочешь?

– Х... хочу.

– Ну так давай, смелее. Не тяни. У меня режим – ложусь спать не позже двенадцати.

Вот говорят: «волосы на затылке зашевелились» – и я всегда считала, что это фигура речи, но в этот момент почувствовала, как это бывает. Прижала к груди цветы, беспомощно проводила взглядом вышедших из Олимпа Бородина, Галину Николаевну и Снежану. Сейчас тётя Тома приберёт в тренерской и тоже уйдёт. А потом, сдав помещение на охрану, и Нина... А Панин смотрел на меня в упор и ждал. И казалось, что в полумраке салона наполненном его сиплым, слегка затруднённым на выдохе дыханием, слышно как бешено стучит моё сердце.

– Малыш... – позвал Панин и, протянув руку, сначала погладил, а потом вдруг слегка смял пальцами большую розу в моём букете. – Я жду.

То ли от неожиданности, то ли от того, что роза эта находилась прямо возле моего лица и, касаясь её, Панин скользнул тыльной стороной ладони по моей щеке, я вздрогнула и очнулась.

– Спасибо, Эдуард Валентинович! За то, что помогли взять этот титул – спасибо!

Он рассмеялся. Даже голову запрокинул, так ему было

смешно...

– Молодец, малыш! Уж не знаю, почему ты так перепугалась поначалу, но согласишься, что часто бывает, когда человек говорит: хочу поблагодарить, хочу передать привет, хочу попрощаться, но дальше вот этих «хочу» не идёт. Замечала? Если бы ты знала, сколько дел было провалено из-за таких вот, казалось бы, мелочей! Всю свою практику наблюдаю и диву даюсь, насколько необдуманно разговаривают люди! Да что там люди – даже адвокаты! А ведь одно случайное слово, и приговор уже совсем другой... – замолчал, пристально глядя на меня. – Но ты молодец, умненькая девочка. – Снова потерябил ту розу, но в этот раз я успела немного отклонить голову. – Что ж, мне было приятно помочь тебе, и я с удовольствием принимаю твою благодарность. Да и вообще, люблю общаться с понятливыми людьми, надо будет повторить как-нибудь, да? В более приятных условиях. Например, можно пообедать завтра в «Онегине», да?

Я не ответила, глядя, как прикрываясь от слепящего света фар рукой, из-под навеса Олимпа показалась Нина. Как она сощурилась, пытаясь разглядеть наглеца, зарулившего туда, где автомобильных дорог даже не предусмотрено и как юркнула вдруг в густую тень за границей светового пятна. Видно, узнала. Водитель проводил её взглядом.

– Ну что, Людочка, если это всё, что ты хотела мне сказать, давай прощаться. Или тебя подвезти до дома?

Я чуть не всхлипнула от радости.

– Нет, нет! Что вы, спасибо, не надо!

– А может, всё-таки подвезти? Мне не сложно.

– Нет, не надо! Меня машина ждёт у центрального входа.

Я пойду, можно? А то и правда, поздно уже...

– Конечно можно, что за вопрос! Марат проводит тебя.

– Нет, что вы, не надо!.. – и осеклась. Пожалуй, слишком много «нет». – Хорошо, пусть проводит, если можно... Спасибо!

До дома ехали молча. Ну я-то понятно, отходила от беседы с Паниным, а вот Максим, похоже всё-таки не по-детски грузанулся ситуацией с Ленкой.

Когда он тормознул возле подъезда, я не выдержала:

– Нет, ну в принципе, ты же не обязан знать его дочку в лицо...

Макс повернулся ко мне, во взгляде – заинтересованность. Вот ведь странный, а! Неужели даст ей второй шанс?

– А тот факт, что ты катал кого-то там в казённой тачке... Нет, ну Денис не похвалит, конечно, может даже люлей отвесит... – глянула на Макса, подумав напоследок: «Ну и нахрена я это делаю?», и всё-таки закончила: – Но это если узнает, вообще. Да?

Максим мотнул головой:

– Не пойдёт. Рано или поздно – узнает.

– От кого? От Ленки? Сто пудово нет.

– Ну-ну...

– Серьёзно, она точно не скажет, не те у них отношения. Ты просто развей её подозрения. А для этого, в ближайшие дни верни кольцо. Причём будь готов к спектаклю типа – не моё, не знаю, ты меня с кем-то путаешь и всё такое. Это её. Я тебе точно говорю.

– Да понятно. Или твоё, или её. Без вариантов.

Я кивнула.

– Ну вот. Скажешь, где нашёл, дашь ей безобидную, пусть даже и тупую версию, как оно туда попало, ну, чтобы ей проще было заднюю включить. Главное, будь убедительнее. Если вдруг прямо спросит про Машкова Д.И. из документов, что сильно вряд ли, прямо и ответишь, что работаешь на него. Тут-то как раз ничего такого. Только не забудь удивиться, мол, откуда она сама-то его знает. Понимаешь, да? Ну, то есть, по большому счёту, пока она не спалила меня – ничего ужасного не случилось. Можно вырулить.

Макс усмехнулся:

– Блин, Люд, ну ты... Комбинатор.

– Да это фигня, Макс. Самое хреновое то, что потом тебе придётся...

И замолчала. Это ведь для меня в данной ситуации самое хреновое – ЭТО. Но не смертельное же. А если предположить, что такой жертвой я спасу... Хм, ну например любовь этих двух идиотов? Нет, ну правда? Если Ленка встречается с ним почти месяц и за это время ни-ни, при том, что с самого начала говорила, что если и сподобится до него, то

только так, чисто потрахаться... Что это, если не... Ну ладно, не любовь, но уж точно какой-то другой уровень отношений, так ведь? Ну а я... А что я – даст мне Денис опять какого-нибудь Антона, или как там его звали, и всё.

– Так что самое хреновое-то? – уточнил Макс.

– Да фигня. Ничего ужасного. Просто тебе придётся найти причину, по которой ты не сможешь больше быть моим водилой.

– Не понял?

– Ну а как ещё? Мне что ли от тебя отказываться? Тут знаешь, как обосновывать придётся, особенно если учесть, что я тебя на спор выиграла!

– Чего-о-о?

– А ты думал! – я шутила, но на душе плескалась тоска. Понятно же, что без Макса мне реально будет херово. – А вот ты можешь сказать Денису, что не выдержишь мой характер, что я ругаюсь матом или избиваю тебя за пыль на панели. Или заставляю ходить со мной по магазинам! Ну... Придумаешь что-нибудь поужаснее. Что там вас мужиков особенно бесит в бабах? Он тебя просто на другое дело перекинет тогда и всё. Все живы и здоровы.

Макс помолчал, качая головой.

– Смешная ты, Люд. А кто тебе будет лещей давать, чтобы не истерила? С кем ты бухать будешь, когда приспичит? На кого кобелей спускать, если вожжа под хвост попадёт?

– Макс... заткнись. Или я за себя не отвечаю.

– Интересно. И что же ты сделаешь?

– Зареву.

Он посмотрел на меня, но я, понятное дело, отвернулась. Задумчиво побарабанил по рулю.

– Батя когда приезжает?

– Да если бы я знала...

– Но не завтра?

– Не знаю. А что?

– Отгул можешь мне дать?

– Ну... если надо, бери, конечно. У меня завтра особых планов нет. К матери сама доеду, по ночам обещаю не шлаться, так что гуляй. – И вдруг осенило: – А ты не свиданочку, часом, намылился?

– А я не обязан отчитываться о том, что делаю в свободное время! – а сам улыбается.

– Прикольный ты, Макс. Я тут бошку ломаю как вырулить, а ты за своё. Хотя... Кольцо-то надо вернуть. Ладно. Только тачку не убей напоследок.

– Да я её даже брать не буду. На своей поеду.

– Пха-а-а... – нервно выдохнула я. – Ленка и «семёрка»... Идея не очень, серьёзно, Макс. Машкова даже от «девяток» нос воротит.

Макс только плечами пожал:

– Ну вот и отлично. Как раз посмотрим, так ли уж ей интересно со мной просто общаться, как говорит.

Глава 4

На стихийном колхозном рынке, сразу за остановкой, купила две пол-литровые баночки клубники – одну для мамы, вторую себе. Шла, щурясь на ласковое утреннее солнце, мотыляя пакетиком, и, наплевав на мытьё, тягала по одной ягодке. Бабулька-божий одуванчик сказала ничем не опрысканная. Ладно, поверим.

А когда свернула с оживлённого проспекта Столетова на узкую, утопающую в зелени древних ясеней Лазоревую – невольно замедлила шаг. Только сейчас до меня окончательно дошло, что лето всё-таки началось. Уже третье июня. А кажется – вчера только весну ждала! Никогда раньше не замечала, чтобы время несло с такой скоростью.

Надо чаще ходить пешком, блин. Последний раз я шагала по родным трущобным улочкам аж двадцать третьего апреля, на Пасху. С Лёшкой.

При мысли о нём засадило под рёбрами. Тут же вспомнился и ливень, и то, как я, идиотка, блин, стояла под дверью его съёмной квартиры, прибитая осознанием того, что он теперь в армии. Ой, ду-у-ура... Да лучше бы он ушёл тогда! Сразу столько проблем бы отвалилось... А под рёбрами всё равно саднило. Обида.

Мамы дома не оказалось. Толик же, застелив середину комнаты старым покрывалом, мастерил из досок какую-то

хренатень. На письменном столе – библия, заложенная журнальчиком «Пробудись», а сверху очки. Так мило. Только как-то... Я почему-то думала, они в это наигрались уже.

Помогла подержать массивную перекладину, пока Толя прикручивал её саморезами, передала мамке привет, оставила клубнику и сбежала.

Напряжение нарастало с каждым часом. Денис мог вернуться в любой момент, и я и хотела, и боялась этого, и чувствовала, что неумолимо приближаюсь к порогу «Да пошло оно всё», когда проще рубануть с плеча, а уж дальше – по обстоятельствам. Но я же не сделаю этого, да? Господи, пожалуйста, не приведи. Не привёл же отдаться Лёшке, вот и тут не надо... Пожалуйста!

Гружёная пакетами с продуктами, вернулась в белокаменную часам к двум. Это конечно прикольно – наготовить, а потом выкидывать. Потому что, кто есть-то будет, если Денис не появится? Если только Максу всё скормить. Тот точно с удовольствием.

Представила вдруг ситуацию: Макс сидит в кухне, уплетает мои щи, и в этот момент заявляется Денис... И аж мурашки по спине побежали. Да уж. Хотя казалось бы, а что такого? Не в постели же. Не в душе... Но чёртова вина проецировалась на всё. Казалось, любой мало-мальский косяк обязательно выведет Дениса на... Чёрт, даже думать страшно. А выносить еду в машину – унизительно как-то. Макс же не дворняжка приبلудная.

Но самое смешное, что и не готовить нельзя, потому как приедет Денис, а у меня голяк в холодильнике. И что? А как же путь к сердцу через желудок, примирительный борщ и всё такое? Короче, надо.

Около половины четвёртого уже готова была встречать дорогого гостёчка... и сразу как-то пусто на душе стало. Пока была делом занята – ещё терпимо, а теперь... Прямо хоть по второму кругу за уборку принимайся или сверхурочно в Олимп выходи. Или готовься к последнему зачёту, дай Бог здоровья Серовой, чтобы её больничный не затянулся до конца июня. А хотя, какая, хрен, разница, если всё равно на вышку перепоступать? Тут же обнаружила, что так и не вспомнила про хлеб.

Когда, возвращаясь из универмага, переходила дорогу, меня окликнули. Так это, слегка неуверенно, словно сомневаясь, я ли это:

– Люда?..

Я машинально обернулась, отыскивая в толпе пешеходов зовущего. Не найдя, подумала что ослышалась, и в этот момент меня жёстко подхватили под локоть и поволокли.

Со стороны это, наверное, выглядело как случайная встреча давних приятелей: они ехали мимо, она переходила дорогу: «Привет – Привет. Подвезти? – О как кстати!..» А на самом деле у меня тупо пропал голос. От ужаса.

Уже возле распахнутой двери легковушки я всё-таки слабо упёрлась ногами, но стоило амбалу пихнуть меня посиль-

нее, и они подкосились. Я рухнула в салон, прямо в руки второго громилы. Он без лишних слов рванул меня на себя – в центр сиденья, и локтем вбил шею в спинку кресла. От удара по кадыку мгновенно выступили слёзы, и накатил приступ жуткого кашля. И я бы сложились пополам, выхаркивая внутренности, вот только кто бы мне дал хотя бы шевельнуться!

Машина с визгом рванула с места.

Задыхаясь от рвущих горло и грудь спазмов, захлёбываясь паникой и льющими по щекам слезами, я забилась, как рыбёшка на песке и как-то совершенно трезво, словно взглянув на происходящее со стороны, поняла, что всё бесполезно. Это конец.

– Пискнешь, пожалеешь, – без единой эмоции буркнул громила, когда машина наконец остановилась, и меня вновь поволокли.

Через железную дверь в какой-то внутренний двор, заваленный картонными коробками и мусорными баками. Оттуда – в здание, по обшарпанной лестнице вниз, потом вилючим подвальным коридором, и снова наверх, к двустворчатым дверям. За ними – суета, запахи еды и отголоски музыки.

– Семён, горячее давай в круглый зал! – крикнули сбоку.

Я впилась взглядом в лицо этой женщины – ну неужели не увидит моего отчаяния? Но она отмечала что-то в записной книжке, даже не повернув к нам голову, а через мгновение,

меня уже снова волокли по какому-то коридору.

Очередная невзрачная дверь... и вдруг – много света и воздуха. Много кремово-белого и контрастом к нему – тёмного дерева. Негромкая музыка, какая-то классика. Столики под скатертями в одной зоне и легкие, похожие на решётчатые ширмы дверки – целый ряд, как купе в поезде – в другой. Драпировки, живопись в массивных рамах... Роскошная люстра-канделябр в центре залы. Здесь бы балы закатывать...

Амбал, больно сжимавший мой локоть, неожиданно аккуратно стукнул в одну из дверей.

– Да... – ответил спокойный такой, скучающий голос.

Меня впихнули внутрь, и я застыла на входе. Маленький кабинет, обои под старину. Практически во всю стену – окно-арка, за которым играет на ветру ветвями старая берёза. Шикарные портьеры, подхваченные изысканными кистями. Какие-то милые безделушки-статуэтки и бронзовый бюст Пушкина на широком мраморном подоконнике. У окна столик. На нём цветы, шампанское в ведёрке со льдом, еда в красивых, белоснежных с золотыми каёмочками тарелках. Вернее – еда только с одной стороны стола, с другой – кофейное блюдо, вазочка с рафинадом и изящный молочник. Панин аккуратно поставил на блюде полупустую чашечку, слегка тряхнул, складывая, газету. Не спеша снял очки, потёр переносицу. Указал на пустующее место напротив себя.

– Садись.

Я подчинилась. Он бросил взгляд на часы.

— Осталось пятнадцать минут, — и наконец, поднял на меня недовольный взгляд. — Ты убила почти полтора часа моего времени. Объясни.

А у меня язык к нёбу прилип.

— Я так и думал, — скривился он. — Нет никакого объяснения, просто глупые капризы. — Липко ухмыльнулся: — Или малышка цену себе набивает?

Я испуганно опустила голову.

— Я не понимаю о чём вы...

— В самом деле? А мне казалось, что вчера мы наконец-то нашли общий язык? Даже обрадовался — умные девушки сейчас большая редкость.

— Я... — взгляд упал на лежащую на краю стола небольшую кожаную папку, с витиеватой, похожей на росчерк золотого пера надписью «Онегин». Тут же дошло. — Подождите, Эдуард Валентинович, но мы же вчера ни о чём не договорились! Я же не ответила вам!

— Вот именно. Ты не сказала нет, а это, по законам жанра, значит — да.

— По каким ещё законам?

— Незнание которых, не освобождает от ответственности! — неожиданно рассмеялся он. Сменил гнев на милость. Ага. — Ну ладно, малыш, успокойся. Сделаем вид, что ничего не случилось. Кстати, у меня осталось всего двенадцать минут. Твоё горячее, увы, давно остыло, но, может, шампан-

ского? – и, не дожидаясь ответа, налил полный фужер. – Дом Периньон, ты не против?

А у меня руки дрожали от пережитого шока, от обиды и негодования. Я зажимала ладони между колен и не понимала, как себя вести. Пожалуй – не злить лишний раз.

– Пей! – приказал он и, внимательно проследив, как я суетливо осушила бокал, тут же налил второй. – Пей!

После третьего я робко сказала, что больше не могу. Но всё равно пришлось допить всю бутылку. Практически залпом. Отставив её, он кивнул на цветы в вазе: – Забирай! – и, проследив, как я уже слабеющими от стремительно наплывающего опьянения руками, наконец-то выудила букет и замерла, не зная, куда девать стекающую со стеблей воду, усмехнулся: – Вот видишь, малыш, как некрасиво бывает, когда не по плану. Но ты сама виновата. И ты не только убила моё время, но и разочаровала меня. Я, знаешь ли, не люблю глупых женщин. – Недовольно скривился, покачал головой. – Жаль. Наше общение могло бы быть интересным.

– Извините... Я не хотела вас обидеть.

Какая-то часть сознания тут же возмутилась. Слабачка, блин! Какие, нахрен, извинения, после такого?! Но другая уже расслабилась и согласилась, что да – сама виновата. И вообще – очевидно же, что человек просто посидеть хотел, поболтать. Цветы, элитное шампанское, дневное время, людное место – очень красиво всё, между прочим... Денис, наверное, не умеет так ухаживать. Во всяком случае, за полго-

да не сподобился даже одного цветочка подарить. Ни разу. А если бы и сподобился – на хрена мне цветы, купленные Боярской, да?

Панин встал, подал локоть:

– Пойдёмте, Люда. – Отстранённо так, официально. – Я подвезу вас до дома. И поверьте, мне жаль, что пришлось действовать силой. Надеюсь, это послужит вам уроком.

Глава 5

Проснулась от тяжёлого, навязчивого запаха. Он до тошноты кружил голову, растекался по носоглотке приторным маслом. Открыла глаза. Отлично – вырубилась прямо в одежде, на диване в зале.

Уже стемнело. Тут же поняла, что пахнут лилии в букете, подаренном сегодня Паниным. А я ведь сразу же, едва выйдя из машины, хотела его выкинуть, а потом забылась и припёрла в дом. Вынести на лоджию? Ну уж нет, к чёрту его!

Нашарила тапки, пригладила волосы и, захватив чёртовы лилии, а заодно и вчерашние розы, сунулась к мусоропроводу. Но букеты были слишком шикарными, они просто не помещались в люк.

Пока дошла до мусорных баков, на свежем воздухе слегка отпустило голову. Вспомнились подробности дороги домой, когда Панин, добрый, блин сказочник, рассказывал мне истории из жизни родного Мухосранска. Так просто, словно каких-то полчаса назад меня не похищали по его приказу. А вишенкой на торте стала речь о том, что Денис действительно предприниматель нового уровня, который не просто не гребёт под себя, но ещё и пытается сделать что-то для города.

– Таких нужно поддерживать. Вы, Люда, если что звоните, не стесняйтесь. Чем смогу – помогу.

Вот и как это понимать? Он намекает на новые проблемы

или реально, показал себя сегодня крутым чуваком, кайфанул, и теперь все обидки в прошлом? А обращение на ВЫ – это знак того, что между нами установлена дистанция? Было бы отлично. Тогда, может, и не надо было выкидывать его розы? Красивые же. Просто охрененные. Но методы у него, конечно... Хорошо хоть мне хватило ума настоять на том, чтобы меня высадили на остановке в двух кварталах отсюда. Так, на всякий случай.

Блин, Денис, где ты уже, а?

Вернувшись домой, набрала Медка. Не ответил. Набрала Макса. Тишина. Твою мать, ощущение такое, словно я одна в целом свете... Немного подумала и набрала Ленку.

– Алло?

Нелли Сергеевна, блин, а вот вас, кстати, не больно-то и хотелось! А в сердце между тем противно заворочалось что-то едкое. Соперничество?

– Алло-о-о? – настойчиво повторила та, и я с каким-то мучительным наслаждением «вступила в контакт»:

– Я могу услышать Лену?

– Кто спрашивает?

Мне даже показалось, что она меня узнала. Привет, паранойя!

– Людмила. – Ох, как зазудело! Нестерпимо. – Кобыркова!

Повисла пауза, и на заднем плане вдруг отчётливо спросили:

– Это меня? – и я до боли в пальцах стиснула трубку. Де-

нис!

Даже не поняла, что Нелли Сергеевна, не сказав больше ни слова, дала отбой. Просто стояла и слушала гудки.

Это Денис, и он вернулся. Когда? Да хрен его знает. Но он сразу поехал туда. Туда!

Очнулась, когда кольнуло в губе, а на языке посолонело. Прижала палец, глянула – кровь. Да и хрен с ней, подумаешь...

Он поехал туда. А мне даже не позвонил.

Швырнула трубку на аппарат и тут же, словно только этого и ожидая, раздался звонок. Сердце зашлось волнением. Он?

– Алло?

– О-о-о, привет, звезда Олимпа! – Боярская. Довольная, сука, как лиса в курятнике. – Как жизнь молодая? Слышала, ты там Москву порвала в клочья?

Ха-ха-ха. Очень смешно.

– Привет, Оль.

– Что-то не слышу энтузиазма в голосе?

– Ты меня разбудила, если что.

– Да ладно? Месячные что ли?

– В смысле?

– Я бы на твоём месте не слезала с Машкова, после недельной-то голодухи, а ты спишь?

– Да пошла ты, – и я бросила трубку.

Но она тут же перезвонила:

– Позови его!

– Волшебное слово забыла.

– Слушай сюда, Людочка, – язвительно выделила она имя, – у меня очень важное дело, и твой детский сад в него не вписывается. Зови!

– А не могу, он в душе! Вспотел, знаешь ли, пока я с него не слазила.

– Как выйдет, передай, чтобы срочно перезвонил! – и оборвала связь, сука.

Я набрала Ленку, вернее – Дениса, чего уж там. Но ответила опять Нелька. Попросить, чтобы позвала мужа? Забавно будет. Ладно, отбой. Ну и как быть?

Минут через пять опять нарисовалась Боярская:

– Ну и сколько ещё ждать?

– Сколько нужно.

– Я серьёзно говорю, дело очень важное! Иди, давай, вытаскивай его. Я на проводе повишу.

– Он сам перезвонит.

Положила трубку и снова принялась грызть губу. Сама дура, чего уж там. Признаться теперь, что он на самом деле дома с женой, значит жидко обосраться перед Боярской. Чёрт.

Опять набрала Ленку.

– Да! – командно рявкнул Денис.

Сердце резануло до щекотки в носу. Господи, как же я по нему соскучилась, а он... Он ТУДА поехал!

– Да, слушаю!

Постаралась унять дрожь в голосе и прозвучать как можно

обыденнее:

– Боярской позвони. У неё что-то срочное.

И тут же дала отбой. Пульс скалит, в горле слёзы. Не хочешь – не надо, Денис Игоревич. Мне тогда тоже пофиг.

И для верности выдернула телефонный провод из гнезда.

А проснувшись рано утром поняла главное: когда я пьяная, я дура. И дело не в коньяке. Мне, похоже, вообще нельзя пить ничего крепче кваса.

Включила телефон, тоскливо поглазела на него. Позвонить? Нет уж. Теперь его очередь. Ведь моя дурость не отменяет тот факт, что он так и не приехал.

Набрала Макса. Зачем? Да хрен его знает! Тем более что всё равно – в ответ тишина. Сговорились они все, что ли? Плюнула и завалилась досыпать.

Мне снился Лёшка. Как будто мы с ним в том же ресторанчике. Танцуем. А певичка – Зойка, собственной персоной. Смотрит на нас и раз за разом поёт ту песню про странника.

– Лёш, ну и что дальше? – с горечью спрашиваю я.

И кажется, что это такой важный, такой умный вопрос! Лёшка шепчет ответ прямо мне в ухо, но я всё равно не могу уловить смысл. Зато чувствую его руки на своей голой спине – я в том шикарном платье с последнего дефиле. Лёшка склоняется, касается губами моего виска, и это отзывается в

сердце тоской. Она плавит меня изнутри, и всё чего я сейчас хочу – сказать ему, что люблю... Но мне так горько от его предательства, что я не могу выдать ничего, кроме:

– Лёш, ну и что дальше?

А он отвечает, но я не улавливаю смысл его слов. Как будто мозг онемел, зато тело... Его ладони на моей спине говорят сами за себя, я знаю, что чувствую то, что чувствует он, и всё чего сейчас хочется – сказать ему, что тоже люблю... Но лишь в очередной раз повторяю:

– Лёш, ну и что дальше?..

И так по кругу. Пока до меня не доходит, наконец: он тоже не понимает смысла моих слов. Вот так всё просто и... глупо.

И осознание, как вспышка – это последний раз. Прощание. И тут же становится неважно услышать ответ на свой вопрос, только бы понять, что хочет сказать сам Лёшка. А он отстраняется, ему пора. Навсегда. У входа в зал, зажимая подмышками пузатые барсетки, уже поджидают Коля Рыжий и Серёга.

Я вцепляюсь в Лёшку, зарываюсь лицом в любимое место для поцелуев – под подбородком, там, где трепещет сонная артерия, и всё-таки шепчу:

– Лёш, я люблю тебя. Останься!

И вдруг ясно слышу его ответ:

– Я не Лёша.

Вскидываю голову и упираюсь в безумный взгляд. Эти глаза, те, что должны быть стальными, с зеленоватыми про-

жилками, теперь чернее ночи. Зрачки настолько широки, что закрывают радужку, и из них на меня словно смотрит бездна. Холодная и пустая. А ещё – это Денис. Я обмираю в его объятиях, понимая, что только что сама всё ему рассказала... А он склоняется ко мне и шепчет прямо в ухо:

– Я не Лёша.

– И-и-и-хи-хи... – истерично взвизгивает за спиной Зойка. – Жизнь не фраер, её так просто не натянешь...

Глава 6

Думала, буду визжать, но нифига. Массажные струйки ударили раскалёнными иглами, и только пару мгновений спустя до тела дошло, что вода ледяная. Дыхание спёрло, и всё, что осталось от визга – немое хлопанье ртом. Вообще я не любитель холодного душа, но сейчас было очень нужно. Проснуться. Окончательно проснуться и забыть дурацкий сон! От него в груди свистел сквозняк. Одиночество какое-то, пустота и страх. И ладно бы там Зойка и Лёшка с Денисом – тут-то все понятно, но Рыжий и Серый? С хрена ли они вообще? Каким боком? Не говоря уж о Денчике!

Не выдержала, пустила тёпленькую. Икупалась, помыла голову. Намотала чалму и, обернувшись полотенцем, шмыгнула на кухню. Поставила чайник на плиту, вывалила на стол пилочки-щипчики-лаки. «Красота спасёт не только Мир, но и настроение» – видела недавно в «Космополитене» такой заголовок. Тогда подумала – бред какой-то, а сейчас готова была попробовать.

Денёчек намечался солнечный, из музыкального центра настроенного на FM бодро ржали диджеи «Европа +». И я с ними. Реально, прикольные ребята.

Когда докрашивала ногти на правой ноге, засвистел чайник. Причём, обычно он начинает потихонечку и постепенно раскошегаривается, а это заорал как-то сразу, и через носик

стала выплёскиваться вода. Истероид, блин!

– Да, бля-я-я... Заткнись уже, пожалуйста... – небрежно докрасив мизинец, не выдержала я и наконец вскочила.

Старательно растопыривая пальцы на ногах, набадьяжила кофе, плеснула в него молочка... и чуть благополучно не расхреначила это всё об пол, когда, развернувшись, увидела Дениса – стоит, сунув руки в карманы и, слегка вскинув голову, разглядывает меня.

А я ойкнула и заревела. Сходу. Вот прям так, с кофе в руке. Ну не дура? И, главное, даже не заметила, как поджала пальцы на ногах, смазывая к чертям лак.

А Денис, очень спокойно, неспеша, бесцеремонно забрал и сунул кружку с кофе в мойку, а потом обнял меня. Крепко. Так, что не вздохнуть. От него пахло табаком и лосьоном после бритья, и... К чёрту! От него пахло Денисом, что бы это ни значило! Совершенно особый, уникальный запах, от которого крыша едет.

Стянул полотенце с моей головы, зарылся лицом в мокрые волосы:

– Привет, Милаш.

– Привет...

– Чего ревёшь?

Пожала плечами, всхлипнула:

– Соскучилась, наверное.

Усмехнулся:

– Наверное?

Промолчала. Сам-то ты как на этот счёт, м?

– Обиделась?

Мотнула головой – нет.

– Врёшь. Обиделась, психанула и решила проучить. – Зажал моё лицо в ладонях, заглянул в глаза: – А я просто не смог. Обстоятельства, понимаешь?

Киваю часто-часто, а у самой сердце инеем покрывается – и это всё? После полутора недель разлуки? Просто обстоятельства? Не смог?!

– Милаш... – хочет что-то сказать, но произносит лишь имя и замолкает.

Молчит и смотрит. «Держит» серьёзное лицо, брови хмурит... а я вижу, как с каждой секундой всё больше «плывёт» его взгляд, а в нём всё то, что не выразить словами. Дурак. Ну скажи, мне так нужно это услышать! Но он только растерянно выдыхает:

– Милаш...

И срываемся оба, целуемся как безумные. Полотенце ослабев, сползает с меня, и Денис вжав меня в стол, наваливается, сминая одну грудь в ладони, а другую терзая губами. Я запрокидываю голову и дрожу. Какой он жадный! Какой бесцеремонный и голодный! Хватает за задницу, рывком усаживает на столешницу между мойкой и плитой. Дёргано, суетливо расстёгивает ремень в джинсах, но замирает вдруг, глядя мне в глаза. Я не поняла. Растерялась и даже испугалась немного:

– Чего?

С моих губ урывками слетает дыхание, до безумия сладко горит в промежности. Соски болят от напряжения, и до одури хочется безумства – того абсолютного и развратного, какое может дать мне лишь Денис... Но он только смотрит и гладит большими пальцами моё лицо – губы, щёки, подбородок.

– Денис, ты чего?

– Какая же ты... – он любит. Запинается об собственные мысли и не находит нужных слов. Как пацан-переросток, честное слово! И мне это нравится. – Ты такая...

– Какая? – ловлю момент и целую его ладонь у своего лица. Он мимолётно улыбается – ему нравится, когда я целую его ладони – и я растворяюсь в доверчивой нежности.

– Молодая ещё совсем, Милаш.

Что, блин?

– А... это плохо? – Натянуто хихикаю. Что-то не нравится мне этот разговор... Не вовремя он. Немного повожу бёдрами, чтобы сдвинуться к краю столешницы и перекатываюсь на копчик. – Плохо, что молодая? – Развожу колени, и это уже нагло. Стоит ему опустить взгляд – и потеряет голову. Знаем. Бывали.

Но Денис, всё так же поглаживая моё лицо, словно думает о чём-то другом. Я ловлю его большой палец губами, обнимаю языком, посасываю и покусываю, страстно желая, чтобы это было вовсе не палец...

– У тебя столько всего впереди, Милаш...

– Сколько?

– Вся жизнь.

– Вот и отлично! Значит, прямо сейчас можно выделить полчаса на секс, да?

Глаза в глаза и, отцепив его руку от лица, я волоку её по своему телу – по шее, ключицам, груди и животу, и ниже... Вздрагиваю и запрокидываю голову, когда его пальцы умело скользят между губок вниз и сразу вверх – уже мокрые. Невозможно терпеть. – Дении-и-ис... Ну пожалуйста...

Он смеётся и, лаская меня одной рукой, второй расстёгивает, наконец, джинсы...

– Ты когда вернулся-то?

Я бы, честно сказать, уже встала и оделась, но он не отпустил. Лежал на боку, прижавшись к спинке дивана, а я перед ним на животе – с голой задницей, и чертил на мне узоры. Было тесновато, но очень душевно. По телеку шёл какой-то фильм.

– Вчера утром.

– И что, нельзя было позвонить?

– Я же сказал – обстоятельства.

– Ясно. А Боярская чего хотела? – спросила как можно расслабленнее и для пущей убедительности блаженно прикрыла глаза. – В десятом-то часу ночи?

– Не важно.

Постаралась не упустить с лица небрежную полуулыбку,

но на самом деле кольнуло. И сразу словно какая-то дистанция между нами появилась.

– Милах, а ты не знаешь, Ленка встречается с кем?

Я аж голову подняла от неожиданности.

– В смысле? С парнем?

– Угу.

– Не знаю... – А на ум сразу пришёл Макс. – А что?

– Да так.

Снова помолчали, и я не выдержала:

– А чего спрашиваешь тогда, раз «да так»?

Резко соскользнула с дивана на колени и уже там поднялась на ноги, но хитрость не удалась – Денис поймал меня за руку, снова потянул к себе. Завалил на бок, прижался к моей спине животом. Шепнул:

– Не уходи, Милаш. Дай покайфовать... Пять минуточек. Ну пожалуйста... – а голос такой, словно спать сбрался.

– Ладно. Тогда рассказывай, что там с Ленкой.

– Да чего тут рассказывать... – вздохнул он и, приподнявшись на локте, подпёр голову рукой. – Нелька говорит, она вчера ушла из дома, ещё шести утра не было, сказала к подруге там какой-то на дачу. Вечером не вернулась. Нашли ту подружку, а она ни сном, ни духом.

– И что?

– Да ничего. Мамзель припёрлась утром, довольная, как кошка. По глазам видно – всю ночь блядовала.

Макс?! На «семёрке»-то? Да ла-а-адно... Хорошо, что я

лежала к Денису спиной, иначе всю контору спалила бы своей загадочной улыбкой.

– Ну почему сразу блядовала? Может там нормальные отношения?

– Нормальные, это когда родители в курсе где их ребёнок и с кем.

– Блин, Денис, ты такой странный. Тебя не смущает, что ты только что трахал девочку, мама которой уже почти полгода не знает, где та живёт? И, кстати, ей не стало бы легче, если бы она узнала. Понимаешь, да?

Пауза... и молча поднявшись, Денис вышел из комнаты. Зашибись. А что я такого сказала-то?

Сунулась за ним в ванную, дождалась, пока выйдет из душа. Лицо сосредоточено, желваки играют. За живое задела?

– Я только имела в виду, что ты же не считаешь, что я, например, блядую, когда с тобой здесь? – подала ему полотенце.

– Я – нет. Но, думаю, если спросить твою мать, ты узнаешь о себе много нового.

– Допустим. Ну и всё равно – Ленка же пришла? Живая, здоровая. Довольная. Чего ещё надо?

– Угу. Когда у тебя будут свои дети, тогда поймёшь.

– Ты говоришь, как моя бабушка. Слушай, ну а вдруг это любовь?

Денис повернулся ко мне, с подозрением заглянул в глаза:

– А ты уверена, что не знаешь, кто он?

– Уверена.

– А знала бы – всё равно не сказала бы, да?

– Естественно.

– Почему?

– А что, не понятно? Или ты смеёшься?! – Нет, он не смеялся. – Ну хорошо, предположим, я говорю: да, я знаю его, и он твой ровесник. И что ты?

Денис на мгновение задумался и кинул полотенце на стиральную машину.

– Убью. Обоих.

– Пфф! Ну вот и всё.

– Ладно, я понял, с тобой бесполезно об этом. Сам его найду. Можешь, кстати, даже Ленку предупредить, что найду. Пусть лучше по-хорошему сдаются. И это, погладь мне брюки те, серые, и рубашку какую-нибудь подходящую. Только быстрее. – И вышел из ванной.

– Ты что, уходишь? – кинулась я следом.

Он молча развёл руками, мол, а что не так?

– Но... Но ты только что приехал!

– У меня херова куча дел, Милах. Поэтому да, я сейчас уеду, а ты просто погладишь мне шмотки, и не будешь выносить мозг, ладно? Если получится – приеду ночевать.

Я закусила губу и демонстративно не глядя на него, вышла из комнаты. Что за нахрен, блин? Кто этот чужой дяденька?!

Глава 7

– Вы, блин, оба хороши, Макс! Но особенно ты! Денис, между прочим, грозился, что вычислит тебя. И, думаю, ты понимаешь, что так оно и будет!

– Ты сказала, он не приедет в субботу.

– Я сказала, что понятия не имею, когда он приедет! Чувешь разницу?!

Я бесилась, а Максим молчал, и блаженно глядя сквозь лобовуху на пруд, с трудом разлеплял сонные веки. И как там выразился про Ленку Денис – «довольная как кошка, и по глазам видно, что всю ночь блядовала»? Так вот, по Максиму тоже было видно.

– Я вообще не понимаю, как ты умудрился-то? На семёрке?!

Дёрнул плечом:

– Причём тут машина вообще?

– Да действительно! – ядовито хохотнула я, хотя и сама уже понимала – а ни при чём! И это обескураживало. Как будто речь шла не о Ленке! – Где вы хоть были-то?

– Люд... при всём уважении, это личное.

– Пфф... – даже не сразу нашлась что ответить. – Надеюсь, хоть не в гостиницу её привёл?

– А что тут такого?

– Блии-и-ин, Ма-а-акс! По гостиницам только проститу-

ток водят!

Он хмыкнул.

– Да ты просто на хате у меня не бывала... Лучше уж в гостинице. И потом, знаешь, – развернулся ко мне, а рожато довольная! – мы с ней вообще-то целые сутки вместе провели! – Развёл руками: – У нас всё нормально, Люд. И мы сами разберёмся где, как и когда. Угу?

– Ага, разберётесь вы... – устало выдохнула я и тоже устала на пруд. Он разлился широко по лесу, затопив и небольшой пляжик, и часть дороги, но, несмотря на это, здесь, сигая в воду с тарзанки, уже вовсю резвились пацаны. – Я просто боюсь, что они там по-семейному успокоятся, а ты останешься крайним. Денис, если хочешь знать, уже порывался тебе морду набить, тогда, помнишь, когда ты чуть тачку не убил? Мне спасибо скажи, что цел до сих пор.

Максим рассмеялся:

– Спасибо.

Я глянула на него – ну непробиваемый же!

– Дурак, ты Макс! Кольцо-то хоть отдал?

Кивнул.

– Она, кстати, почти призналась, что действительно под тебя копала. – Расплылся в довольной улыбке. – Ревнует что ли? Даже приятно, если честно...

– А ты?

– А я сделал вид, что не понимаю о ком она. – Глянул на меня: – Ничего?

Я пожала плечами:

– Да ничего. А если поверила, то вообще отлично.

– Да вроде поверила. И это, Люд... Пришлось сказать, что на Батю работаю. Ну чтобы она не кипешила больше, и всё такое. Она тоже не горит желанием ничего ему рассказывать, так что сейчас разобрались, а там посмотрим. И ты была права, мне лучше свалить с этой должности.

– Нет Макс. Тебе лучше свалить от Дениса вообще. Серьёзно.

– Ну или так.

Помолчали.

– А как же я, Макс? Совесть не мучает?

– Так получилось, Люд. Извини.

– Угу, – вздохнула. – Обстоятельства. Просто не смог...

– Не понял? Чего не смог?

– Да... – я отмахнулась. – Это я так, цитирую кое-кого. Не обращай внимания. Он её пасти теперь будет, Макс. Даже не знаю, может тебе стоит самому к нему подойти? Нет, серьёзно?

– Я разберусь, Люд. – Он потрепал меня по плечу. – Правда, всё будет нормально. Не парься. Лучше скажи, у тебя-то как?

– Да... – снова отмахнулась. – Лучше всех.

– А по тебе не скажешь.

Помолчали, и он вдруг мотнул головой и прикусил губу, пытаясь сдержать улыбку, но его распирало.

– А вообще знаешь, Люд, это капец какой-то... Понимаешь... мне крышу от неё рвёт! Я больным придурком себя чувствую. Вчера средь бела дня клумбу перед ЦУМом ободрал, представляешь?

– У тебя что, денег на цветы нету?

– Да причём тут деньги? – искренне удивился он. – Это же... Просто захотелось! Потому что для неё!

Я рассмеялась и хохотала, отворачиваясь к окну, до тех пор, пока Макс, не обращая внимания на моё упрямое сопротивление, не притянул меня к себе:

– Чшш... Чшш...

И я редела ему в плечо, а он терпеливо ждал. А когда затихла, подытожил:

– Тебе тоже лучше бы свалить от него, Люд. Серьёзно.

Вечером Денис действительно приехал. Тиснул меня у входа, задумчиво мазнув губами по лицу, и тут же отвлёкся:

– Мне никто не звонил?

– Нет. Правда, я уезжала часа на три... – и соврала: – К маме.

Зачем? По инерции наверное. Ложь затягивала в водоворот, я даже не успевала думать наперёд, что может повлечь за собой то или иное моё действие или слово... Проще было врать, чтобы наверняка. Лена, блин, Макс... вот только ваших проблем мне не хватало для полного счастья!

– Ясно, – буркнул Денис. Сухо, отстранённо. И всё. Ушел

в зал.

Что за?.. И мгновенно, словно копилось весь день, с того момента, как он, быстренько трахнув меня утром, свалил по своим неотложным делам, в крови вспыхнуло раздражение. Кинулась за ним, готовая потребовать объяснений за все разы, когда обещал, но не выполнил, когда предпочёл компании жены или, там, Боярской мне... И вдруг как пером под ребро – Господи, а вдруг узнал?.. И аж сердце замерло. Обида, злость – сразу всё к чёрту. Привет, вина!

Цепенея, я пошла следом, встала у порога. Денис сидел за обеденным столом и смотрел в одну точку.

Предложить ужин? Чаю? Спросить как дела? Или...

– Выключи эту херню! – рявкнул вдруг он и, упершись локтями в стол, обхватил голову ладонями.

Я подскочила, суетливо схватила пульт от телека, щёлкнула... Потом решилась-таки, осторожно приблизилась, отодвинула стул, чтобы тоже сесть. Он заскрежетал ножками по плитке, и Денис врезал кулаком по столу, требуя, видимо, тишины. А сам при этом схватил лежащую рядом чайную ложку и принялся методично хреначить ею по столешнице. Примерно раз в три секунды. Даже не замечая этого. Я осторожно села.

Он думал. Он о чём-то чертовски напряжённо думал, морщился, играл желваками и тихо рычал под нос:

– Сука... Блядь. Гнида...

Сколько злости, мама родная! И руки разбиты. В хлам.

Костяшки припухли. Кое-где на них запеклись чёрно-бурые корки, кое-где ещё сочилась кровь.

Господи, что он натворил? С кем?!

Вспомнился сегодняшний сон: Коля и Серёга... пришедшие за Лёшкой. И меня затрясло. Про этих двоих я слышала последний раз ещё в январе, когда Боярская рассказала, как Денис избил их в приступе бешенства. Серого до реанимации, а Рыжий вообще пропал без вести. Сбежал или?..

Господи, нет... пожалуйста...

«Жизнь не фраер, её так просто не натянешь!»

Господи, нет...

– Мне никто не звонил? – неожиданно очнулся Денис.

Он что, не помнит, что уже спрашивал? Я вжала голову в плечи:

– Нет. Вернее, не знаю... Я же уезжала.

И он заметил вдруг ложку в своей руке, кажется удивился. Отбросил.

– Интересно куда?

– К маме...

– Мм. К маме... К маме это хорошо... К маме, это нужно... – говорил, но я видела, что уже снова провалился мыслями в какую-то бездну. – К маме, это хорошо... К маме, к маме, к маме... К маме, это хо-ро-шо... – рассеянно заскользил взглядом перед собой и вдруг застыл: – А это что?

Цветы. Твою мать, надо было их выкинуть вместе с букетами Панина... От греха подальше.

– Подарили...

– Кто?

– Девочки. С тренировки. – Голос сидел.

– Что за повод?

Я промолчала, даже не зная, стоит ли сейчас вообще про конкурс... Впрочем, Денис уже барабанил пальцами по столу и снова думал. А потом вдруг ринулся в коридор. Думала, сейчас уедет, но он начал орать матом, и я поняла, что это по телефону. Внезапно замолчал и, через мгновение появившись на пороге зала, закрыл дверь.

За без малого полгода, что я здесь прожила, эта дверь никогда раньше не закрывалась. Ну если только чтобы полы за ней вымыть... А теперь вот – чтобы я не слышала о чём и с кем он говорит.

А потом он вернулся в зал и застыл у меня за спиной. От этого засосало пол ложечкой. Я робко обернулась и увидела, что Денис всё так же в своих мыслях. Брови в кучу, взгляд в пространство, губы закусил...

– Денис... Что-то случилось?

И он вдруг очнулся, кинулся на меня. Едва не придушил, едва бошку не оторвал. Я испуганно взвизгнула, а через мгновение поняла – это не со зла. Он припал ко мне отчаянно, словно к святыне какой-то, словно ища защиты и успокоения.

– Мила-а-аш... Милааааш... – тихо-тихо, горячим дыханием куда-то в макушку, шепнул он. – Маленькая моя... Ми-

ла-а-аха...

Просто говорил. Не мне. Просто. Не замечая. Так же, как незадолго до этого долбил по столу ложкой. Стиснул ещё сильнее, и я пискнула:

– Денис... мне больно.

Не услышал. Говорят, так душат удавы – медленно, но верно, чтобы жертва не дёргалась.

– Денис, мне больно!

Крикнула, и он отшатнулся, а через мгновение уже сидел передо мной на корточках, обнимал за талию, прятал лицо в моих коленях:

– Милаш, прости... Прости меня, маленькая...

Я обняла его в ответ, скользнула пальцами по шраму на затылке, прижала его голову к своему животу... А у самой всё внутри дрожит.

– Что случилось?

Молчит.

– Что у тебя с руками, Денис?

Едва заметно покачал головой:

– Я такая сволочь, Милаш.

Господи, нет, пожалуйста...

– Денис... Что случилось? – как можно мягче, даже ласково.

Молчит.

– Денис?!

Молчит. Чувствуя, как накатывает паника, я тряхнула его

за плечи:

– Ну чего ты молчишь? Что ты сделал? Ну? – Заорала, почти в истерике и, не удержавшись, стукнула кулаком по спине. – Что ты с ним сделал?! Говори, ты что, убил его?

И он тут же словно очнулся, поднял на меня лицо:

– Кого?

Смотрим друг другу в глаза, и видно как в них, связывая концы с концами, мечутся мысли... И я не нашлась что ответить. Просто опустила голову. Блин, Кобыркова... Какая же ты дура. Как можно было подумать такое вообще?! Как можно было спрашивать?!

Денис встал, отошёл к раковине. Открыв кран, поглазел, как обволакивает его разбитые руки струя. Умылся – лицо, затылок, шея – не глядя на то, что насквозь промокает рубашка. Потом налил полный стакан воды, выпил. Снова налил. Снова выпил. Словно взял паузу. Наконец повернулся ко мне.

– Человек, чтоб ты понимала, слишком... – запнулся, подбирая слово, – слишком мягкий, для того, чтобы об него вот так... – глянул на кисти, поморщившись, сжал кулаки. – Хотя некоторых хочется... – Невесело усмехнулся: – А это всего лишь стена. Увы.

– Какая стена? – не поняла я.

– Обыкновенная. Кирпичная. – Присел возле меня, пытаясь заглянуть в глаза: – Ну и? За кого ж ты так испугалась, интересно?

Ледяное спокойствие в голосе, в глазах. Аж дышать от него трудно. Но я всё же постаралась небрежно улыбнуться: – Ни за кого. Просто подумала – может, ты Ленкиного ха-халя нашёл... и...

Он усмехнулся и, упершись локтями в мои бёдра, устало уронил голову на руки:

– Если честно, я об этом даже не вспомнил. Как-то не до того было. Совсем. Да и не стал бы я его... сильно. – Поймал поясок моего халата, задумчиво потеревил. – Милаш... мне скоро уехать надо будет.

– Опять?!

– Угу. И через пару недель – снова. И, возможно, некоторое время – от пары месяцев до полугода – каждые выходные. Но это ещё не точно.

– Замечательно! Просто прекрасно! А мне что прикажешь? Сидеть у окошка и ждать, да? Да?!

По его лицу – мимолётно и тут же сменившись отстранённостью – скользнуло что-то вроде разочарования.

– Как вариант, ты можешь пожить у мамы. – Холодно так, жёстко. – Если тебя не устраивает у окошка.

– Как вариант, я могла бы поехать с тобой! – возмутилась я, но тут же взяла себя в руки. – Денис, ну пожалуйста! Ну тебя постоянно нету! И ты даже не звонишь мне, как будто тебе на меня наплевать!

– Было бы наплевать, тебя бы тут не было. Не задумывалась об этом?

Я не нашлась, что ответить, а он и не ждал. Знал, что прав. Только усмехнулся и, поднявшись, принялся расстёгивать рубашку.

– А ты реально подумала, что я убил кого-то?

Я нервно вздохнула, и он снова усмехнулся:

– Понятно. И как ощущения?

– Никак! И ничего я не подумала.

Он рассмеялся, расстегнул последнюю пуговицу и взялся за пряжку ремня.

– Врёшь, Милах. Знаешь, что убивал раньше, и что сейчас мог бы, но боишься даже думать об этом. Неприятно тебе, да? Сам вроде ничего так, сгложусь, а вот некоторые моменты, – развёл руками, – мягко говоря, не приятны. Угадал? А между тем, Милах, это то, что я умею лучше всего. У меня даже награды за это есть. И прибавка к пенсии, представляешь? А да, я же уже пенсионер, к тому же контуженый на бошку, если ты не знала. А контузия – это льготы, между прочим, не хухры-мухры! – Замер вдруг прямо так, с расстёгнутой ширинкой, упёр руки в бока: – Вот и думаю, если у меня такой шикарный пансион от родного государства, может, к чёрту тогда весь этот бизнес, да и рвануть куда-нибудь в глушь? Кур завести, козу. Сад-огород. Избушку на берегу реки. По утрам рыбалка, по вечерам – самогонка, а днём с мужиками на завалинке политические вопросы решать. М? Поедешь со мной? – Выдержал жирную, полную сарказма паузу. – Ну, чего молчишь? Поедешь?

Я подняла на него взгляд – тоже захотелось видеть реакцию:

– В качестве кого?

Он не ожидал. Брови медленно поползли на лоб... и в это время зазвонил телефон.

И Денис снова что-то обсуждал, кому-то звонил, кого-то материл. А когда вернулся в комнату, заявил, что ему надо срочно уехать.

Бесконечно долго бродя в тяжёлых мыслях, чувствуя, как утопаю в ситуации, не имея сил не только влиять на неё, но даже просто успевать понимать что происходит – не заметила, как заснула. А проснулась от того, что не могу дышать. За окном уже рассвело. Спросонья затрепыхалась, сбрасывая оцепенение, и поняла вдруг, что это не оцепенение – это Денис. Он лежал на кровати, даже не раздевшись и, прижавшись животом к моей спине, вжимал в себя рукой, словно боялся, что я сбегу. Трудно было под этой тяжестью, но как приятно!

Он не спал и вообще, похоже, только что пришёл. Дышал мною, уткнувшись лицом в затылок, и украдкой целовал волосы.

Я осторожно, чувствуя под пальцами корки на разбитых костяшках, взяла его руку и прильнула к ладони губами. И он завозился, обнимая сильнее, и шепнул:

– По-другому не получается у меня, Милаш. Прости.

Глава 8

05.06.1995г. Понедельник.

Хотела, не откладывая надолго, поговорить с Денисом о технаре, об институте. Рассказать, в конце концов, о конкурсе, о своём титуле и о Зойкиных планах. Постараться донести мысль о том, что мне это важно и интересно. Даже начала пару раз – издаലെка, с того, что остался последний зачёт по специальности, а потом каникулы и хорошо бы...

Но телефон не смолкал. А когда, в перерывах между разговорами, Денис возвращался за стол, он уже не помнил о чём я только что распиналась. Угукал, кивал, даже изображал улыбку, глядя в пространство перед собой, но мысли его были далеко.

И я, обидевшись, плюнула. Как будто это так сложно – уделить мне, только мне одной, хотя бы полчаса, ну ладно, пятнадцать минут! Можно подумать, за это время небо на землю упадёт! Но что я могла сделать, на голову ему залезть? Не факт, что это помогло бы. Поэтому я просто смотрела на него и не мешала думать.

Он, похоже, не спал всю ночь. Серьёзное, усталое лицо, глубокие морщины между бровей и в уголках глаз. Строгие носогубные складки, поджатые тонкие губы, поросшая щетиной, зрелая кожа щёк и шеи – я словно видела его впервые.

Он, и в то же время не он.

Собрала со стола посуду, глянула на часы – почти семь утра. Нормальные люди только просыпаются, а этот и не ложился, и уже тысячу дел решил. Хотя нет, судя по угрюмой сосредоточенности, пока не решил. Но это не отменяло необходимости и мне решать свои.

– Денис... – было даже как-то страшно выдёргивать его из задумчивости, – а что с Ленкой? – Он поднял на меня непонимающий взгляд. – Ну, после того загула?

Попытался пошутить:

– Арест на пятнадцать суток и общественно полезный труд. – И тут же отмахнулся: – Пока пусть дома посидит. Не до неё сейчас.

– Просто у нас консультации по специальности... Я, правда, не знаю когда – думала, Ленка в курсе? Можно я ей хотя бы позвоню сегодня?

– Можно. Только не она тебе, ясно?

– Хорошо. – Отвернулась к раковине, принялась за посуду. Ну да, будет странно, если однажды, въехав-таки сюда, Ленка обнаружит, что уже знает номер собственного телефона.

– Кстати, что там с Максом? – неожиданно спросил Денис.

Я не удержала мыльную тарелку, выронила в раковину и с ужасом поняла, что теперь их две. Половинки. Красивый сервиз, почти новый. Ленкин, если уж быть до конца справедливой.

– В смысле, с Максом?

– Он звонил минут десять назад, сказал, разговор есть. Не телефонный. Ты не в курсе о чём?

– Нет.

– А вообще как, косяков с его стороны много?

– Ну... Не то, чтобы очень... Но есть.

– А я предупреждал, что нельзя баловать. Навалять ему для профилактики, или опять не разрешаешь?

– Как хочешь. Ты сегодня приедешь ещё?

– Не знаю. Постараюсь.

Угу. Могла бы и не спрашивать. Он подошёл ко мне сзади, обнял.

– Я помчал, Милаш. Не скучай. И спасибо за завтрак.

Проводив, набрала Макса, выяснила, зачем ему Денис. Оказалось, всё по плану – хочет просить об увольнении. Я одобрила, а положив трубку, поняла, что мне внезапно очень херово. За четыре месяца мы с Максом сдружились, чего уж там. И хотя я частенько на него орала и вообще вела себя иногда как заносчивая сучка, но мы оба знали, что это несерьёзно. А на самом деле отношения были добрыми, даже доверительными. И Ленке с ним повезло, чего уж там. Хоть бы не профукала, дурочка.

Чуть было не набрала Ленку и только потом вспомнила, что время-то... Рановато, чтобы уточнять, знает ли она о консультациях. Там и мамаша-то, небось, на работу не свалила ещё. Ладно. Успеется.

Вернулась в зал, машинально щёлкнула телек и – о чудо! – попала на включение муниципального канала, который именно в этот момент крутил передачу «Лица родного города». Ту самую, куда так хочет попасть Зойка. Выпуск явно не первой свежести: в кадрах мелькали виды нашего заснеженного ещё города. Её героем был кавказец с каким-то трудным именем, который, по словам ведущего, в зимнюю пору снабжает весь город зеленью.

Показывали его теплицы с длинными рядами петрушки, укропа, базилика, перьевого лука и ещё бог весть чего. Показывали точки на рынках – красивые, богатые выбором свежайшей зеленушки, и рассказывали, что всё это из хозяйства героя программы. У него брали интервью, в том числе и на отвлечённые темы, вроде «как вы видите будущее нашего города» и всё такое. Реально – героя городского масштаба из него сделали, вот ведь журналюги!

Но я смотрела не только потому, что прикидывала, как сама буду выглядеть с экрана, когда выйдет-таки программа и про Олимп. Нет. Я смотрела потому, что на кадрах с рынка, за спиной кавказца периодически мелькал Филиппов. В камеру не смотрел, но и не случайно там ошивался – это чувствовалось по деловитому, шустрому взгляду. Это что ж получается, «Лицо нашего города», какой-то там кавказец-зеленщик, на самом деле протезе авторитета, крышующего не только официальные и дикие рынки, но и воров и катал всея Мухосранска? Забавно. Это насколько же широко раскину-

лись его щупальца, что даже петрушку контролируют?

В один из моментов в кадре промелькнул ещё более «задний план» – Костик. Тот самый, с вокзала. Суетился за спиной Филиппова, оттесняя зевак, желающих засветиться по телеку. Выслужился до личной шестёрки «Папы»? И это несмотря на то, что Денис ушёл тогда в больнице из-под их носа? Интересно.

Передача закончилась, начались местные новости, и я наконец-то взялась домыывать посуду. А когда сквозь шум воды мелькнула фамилия «Машков», снова кинулась к телевизору.

«...заседания арбитражной комиссии. Работа предприятия приостановлена, но, по словам генерального директора, которым формально до конца разбирательств по-прежнему остаётся господин Машков, на территории завода до сих пор находятся рабочие, численностью не менее двухсот человек, не желающие сдавать объект новому руководству. Фактически, они стали заложниками так называемых серых рейдеров, но, судя по всему, отступать не намерены. Здание офиса, производственные и складские площади заблокированы ими изнутри, и в то же время оцеплены снаружи силами, именующими себя новым руководством. И прямо сейчас, на прямом включении с места событий, вы можете видеть что, несмотря на раннее утро, на площади перед правлением собрались многочисленные сотрудники предприятия, пришедшие поддержать действующее руководство и своих коллег, приняв-

ших основной удар сопротивления на себя, а так же родственники заложников. Большинство из них провели здесь всю ночь. И вот, что говорят о ситуации они сами...»

Всё это сопровождалось кадрами с силовиками в балаклавах, караулящими ворота и двери, и требовательными жёстами вынуждающими журналистов опускать камеры. А ещё – многочисленная группа людей с плакатами: «Руки прочь от Вуд-Люкс», «Вуд-Люкс – это Машков!» и даже «Русские не сдаются»

Периодически какой-нибудь работяга эмоционально возмущался на камеру наглости рейдеров и обещал, что они, рабочие и законное руководство, так просто не сдадутся. Женщины сетовали, что их мужья там без еды. А какой-то жутко уставшего вида дядька с вислыми усами выразил мнение, что если в ближайшие дни у захватчиков не получится прорваться в здание «К этим, ну самым главным документам, как их? Ну в которых всё записано, значит, ну – кто главный, на каком, там, основании и это самое, ну... Устав, вот!...» – то рейдеры, скорее всего, подожгут здание правления.

«...Напомним, что АО «Вуд-люкс» было учреждено в девяносто первом году, на базе обанкротившегося предприятия «Деревообрабатывающий комбинат номер три». За четыре года со дня основания, предприятие сумело не только восстановить былые производственные мощности, но и наладить линии принципиально новой по ассортименту и качеству продукции, такой как паркетная доска и отделочные па-

нели из ценных пород дерева, элитные межкомнатные двери, окна европейского образца, а так же широчайший ассортимент высококачественных строительных материалов. Весной прошлого года АО «Вуд-Люкс» получило награду высшей пробы в номинации «Прорыв года» на международной Торгово-производственной выставке в Ванкувере и сумело выйти на международный уровень, став эксклюзивным экспортёром древесины для Французской мебельной фабрики «Мёбилье де Люкс». Есть мнение, что именно этот прорыв и стал причиной повышенного внимания к компании, повлёкшей за собой попытку захвата власти...»

В кадре появилось возбуждённое лицо корреспондента. Он прямо-таки захлёбывался словами и активно жестикулировал, отчаянно стараясь передать остроту происходящего:

– Как видите, ситуация непростая, тем более, что, напомним, в эти самые минуты в стенах предприятия страдают люди. Их численность превышает двести человек и, по информации наших источников, среди них есть женщины. Мы будем держать вас в курсе событий. С вами были Роман Витюков и Семён Архипов, муниципальное телевидение...

Далее последовала пара минут репортажа в формате No comments – со звуками улицы и взволнованной толпы, бряцанием оружия в руках силовиков и чьего-то залетевшего в кадр надрывного плача...

А потом пошёл сюжет на другую тему, потом ещё и ещё. После выпуска новостей началась «Музыкальная пауза» –

показывали какой-то зарубежный клип, а я всё сидела и не могла прийти в себя.

Ничего себе «Обстоятельства. Просто не смог»... И ведь ни слова, ни полслова мне! Не доверяет? Не моё дело?

Ну и кто я тогда в его жизни? Муха, назойливо жужжащая над ухом? Досадная помеха, отвлекающая от главного? Средство от ломоты в яйцах?

И я вдруг почувствовала себя маленькой-маленькой. Ничтожной и, по большому счёту, ненужной.

Глава 9

После работы, уже на подходе к стоянке, меня перевстряла Боярская. Вылезла из своей ауди, облокотилась об открытую дверь:

– Привет, Звезда! Отлично выглядишь.

То ли от неожиданности, то ли при взгляде на её цветущий вид, я почему-то напряглась.

– Привет, – пришлось замедлить шаг, подойти. Макс вопросительно глянул на меня через открытое окно Паджеро, я кивнула ему: «сейчас». – Зойку ждёшь? Так она на Шри-Ланке. В среду только появится.

– Да, я в курсе. Тебя жду.

– Автограф хочешь?

Ольга с готовностью рассмеялась. Пани Боярская в хорошем настроении? Странно, учитывая тот мандец, который происходит с её любимым шефом.

– Само собой, Звезда. Но это успеется, да? – кивнула на свою тачку: – Поговорим?

– Хочешь фоточками из поездки похвастаться? Ну, типа, это Италия, это Польша... Да? – Я не стала упираться, нырнула на переднее пассажирское. – Не особо люблю такое, Оль, так что диких восторгов не обещаю.

В ответ она мило улыбнулась и, порывшись в бардачке, зажала в кулаке какую-то хреновину.

– Какие фоточки, Люд? Лучше! Подарочек у меня для тебя. Не могла не купить, ты ж мне не чужая всё-таки! У нас так много общего... Между прочим, все сувенирные лавки оббегала, чтобы посимпатичнее выбрать. – И протянула какую-то висяльку.

Тон, которым она всё это говорила напряг, было в нём что-то ядовитое, но я машинально протянула открытую ладонь, приняла штучку. Довольно крупная, почти с куриное яйцо, стеклянная капля, подвешенная на цепочку. К цепочке прилажено колечко. Брелок для ключей, короче. Но какой-то странный. Может, из-за бетонного обломка застывшего внутри, словно муха в янтаре. И ведь реально кусок бетона – обыкновенного, серого, выщербленного.

– Очень мило. Только я не врубаюсь в суть. Это современное искусство, или какой-то символ чего-то?

– Ну, – дёрнула Боярская бровью, – можно и так сказать. Символ окончания холодной войны, символ объединения. А ты знаешь, я ведь даже и не задумалась над этим, а ведь действительно очень символично получилось. Всё-таки хорошо, что я не взяла тебе плюшевого мишку.

– Короче, Оль, что за цирк?

– Ну какой же цирк, Люд? Это история. Обломок Берлинской стены. Сохрани обязательно, внукам показывать будешь.

– Берлинская стена? В Польше? Или в Италии? – посмотрела на неё, вкладывая во взгляд максимальную дозу сарказ-

ма. – А тебе не показалось, что тебя поимели, как лохушку, Оль?

Она рассмеялась, потеряла перстень.

– Ну причём здесь Италия и Польша, Люд? Берлин, сувенирная лавка на пересечении Циммерштрассе и Фридрихштрассе. Самая настоящая Германия, детка. Всё по-честному.

Я помолчала, соображая. И не дура, поняла. По груди изнутри поползла противная горечь. Главное – не облажаться. Главное – сдержаться и не подать вида... Но, твою же мать, как хотелось вцепиться ей в патлы!

Откинула голову на спинку сиденья, вздохнула, прикрыв глаза.

– Спасибо, Оль. Серьёзно, приятно, что ты думала обо мне даже там. Это всё, что ты хотела? А то меня Денис дома ждёт.

– Что-то я в этом сомневаюсь. Ему сейчас не до баб.

И я, собрав волю в кулак, повернулась к ней:

– Кстати, что случилось-то? Я новости сегодня смотрела, говорят всё хреново?

Она усмехнулась:

– Когда у тебя отжимают предприятие с уставным капиталом в пол ляма зелёную – это да... Слегка хреново.

Упивается своей осведомлённостью, сучка. Рисует. Спокойно, Кобыркова. Главное сохранять лёгкий похеризм.

– Мм. И кто эти умники? Уже известно?

Посмотрели друг на друга, и Боярская развела руками:

– Я пас. Раз Денис не сказал, значит, тебя это не касается.

И я с ним согласна.

С-с-сука... Спокойно, Людок... Спокойно...

– Да не больно-то и хотелось, если честно. Я для него, знаешь ли, тихая гавань. Райский уголок, куда хочется возвращаться снова и снова. После всех этих ваших секретных проблем он приезжает ко мне, и я делаю ему хорошо. А он делает хорошо мне. Так и живём. – Улыбнулась, глядя, как пытается сохранить лицо Боярская. – Теперь всё? Я поехала?

Она помолчала, задумчиво поглаживая оплетённый золотистой кожей руль. Понаблюдала, как ходит возле моего Паджера Макс. Закурила.

Слишком долгая пауза для ерундового разговора.

– Помнишь, мы договаривались – тебе Денис, мне его бабки?

– Ну?

– Я передумала. Мне нужен он.

Я через силу усмехнулась.

– А я нет, так что иди на хер, Оль. – И я даже сама удивилась, насколько спокойно это прозвучало.

– Ты не понимаешь, Люд, – в её голосе остро зазвенело раздражение. – Я с тобой сейчас как с равной разговариваю, надеюсь на то, что ты девчонка-то неглупая. – Глубоко затянулась, погрызла губу. – Не потянешь ты его, поняла? Не потянешь.

– Это он сказал?

– Да причём тут он? – почти взорвалась Боярская. – Он мужик, что он может сказать, вообще? Он до последнего будет строить из себя героя, а время уходит... – замолчала, глядя вдаль. Сделала несколько суетливых коротких затяжек – одну за другой, и швырнула сигарету в окно. Выпустила дым сквозь поджатые губы. – Короче, девочка... Если он тебе хоть немного дорог, если ты хочешь до самой старости вспоминать ваши отношения как прекрасную сказку из счастливой юности – просто свали из его жизни. Ясно?

– Иди на хер, Оль, – огромным усилием воли сохраняя спокойствие, усмехнулась я. – И это забери! – Кинула ей на колени кусок Берлинской стены и вышла из машины.

– Дура упрямая! Зачем он тебе, такой?! – крикнула она, выскочив вслед за мной. – Ты наиграешься и бросишь! Ты не останешься с ним, идиотка! А ему потом с этим жить, дура ты!..

Я молчала, и Макс молчал. Конечно, он слышал вопли Боярской, но понимал, что сейчас неудачное время для разговора. Ну и спрашивается, где ещё я найду такого классного водителя? Да даже больше – друга!

Настроение было ни к чёрту. Настроение было – послать всех на хер и заграбастать-таки себе огромный кусок счастья, своего же собственного счастья, на которое с какого-то хрена посягают все, кому не лень. Взять того же Макса. Зачем я

вообще построила из себя героиню, милостиво отпустив его к Ленке? Надо было заложить втихую Денису, да и всё. Он бы его отымел и оставил при мне.

Кто-нибудь, когда-нибудь думал обо мне? Жертвовал ради меня своим комфортом? Ни хрена. Вот и Ленка наиграется Максом и свалит в закат. А я друга потеряла. Сообщника!

Дело в том, что сегодня днём, несмотря на полный завал в делах, Денис нашёл время встретиться с Максом, и тот попросился на свободу. Об этом, по дороге в Олимп рассказал мне сам Макс. Денис потребовал объяснений, и Макс от души наплёл ему про мой дурацкий, прямо-таки невыносимый характер. Я не в обиде, чего уж там, собственно, мы так и договаривались... Но... Но, блин, с какого хрена я это сделала?!

И Денис, главное, обещал его отпустить! А у меня спросил? Разве это не мой водитель? Или моё мнение как обычно – десятое?!

За окном мелькали светофоры, рекламные щиты, ларьки вдоль дороги. А мои мысли неизбежно, как бы ни старалась я отвлечь их Максом, скатывались к одному: Германия. Берлин. Интересно, когда? Когда не вернулся из Польши, как обещал – в четверг? Или раньше, когда не вернулся, как обещал, из Италии? И ведь даже не обмолвился. И Медок тоже, кстати. «Людочка, как дела, Людочка если что надо – обращайся...» Шестёрка, блин. Да оно и хер с ним с Медком, но Денис? Почему не сказал?

Когда подъехали к повороту во двор, с противоположной стороны дороги как раз подрулил Денис. Моргнул Макс фарами, веля ехать вперёд.

Боже, как меня захлестнуло! Сразу всё из головы вылетело, и осталась только радость. Кажется, я ощутила на ладонях тепло его кожи, на губах – табачный дымок. Соскучилась. Жутко. И не надеялась, что сегодня ещё увижу, а он вот он – крадётся сзади, как большой одинокий хищник. Мой. Ко мне приехал!

А потом раз! – и снова Германия. Боярская, рожа её наглая. Интуиция. Вот как тогда, когда чувствовала присутствие женщины в своей машине, но не могла бы объяснить почему, так и теперь что-то тревожило. Выедало. Ненавижу свою интуицию, одни проблемы от неё!

Вышли с Максом, подождали, пока припаркуется Денис. С одной стороны, хотелось кинуться ему на шею, а с другой – что-то удерживало. Может, Макс. Сошлись на пяточке между машинами – как будто на стрелку приехали.

– Ну рассказывайте, – без предисловий начал Денис, и потряхнув запястьем, глянул на часы. – Только по существу.

Мы с Максом переглянулись, и он взял удар на себя.

– Бать, ну просто я хочу чем-то другим заняться.

– Чем? Таксовать?

– Ну, не знаю ещё. Может, в ЧОП пойду.

– Шило на мыло, тебе не кажется?

Макс промолчал.

– Причина?

– Ну я же говорил...

– Ещё раз скажи. При ней.

Макс молчал, да оно и понятно. Жаловаться на бабу при самой бабе, даже если и по сговору – себя не уважать. Даже я это чувствовала.

– Ну то есть, всё нормально, да? – уточнил Денис, устало поводя шеей. – Претензий больше нет, я правильно понял? Ну и отлично, продолжаешь работать. Всё, отбой! – И пошёл к подъезду.

Макс кинул на меня беспомощный взгляд, перемялся с ноги на ногу.

– У меня есть претензии! – вклинилась я.

Денис развернулся, усмехнулся.

– Говори.

– Да что тут говорить, врезала я ему! Прилюдно. Но, знаешь, сам виноват! Я конечно всё понимаю, бывает и кофе разлил, и сок там какой-нибудь, но блин, во-первых, я сто раз запрещала жрать в салоне, а во-вторых – нагадил, так можно хотя бы помыть за собой? Почему я приклеиваюсь к сиденью? У меня юбка из натурального шёлка, между прочим, и на ней теперь катышки! Прямо на заднице!

Денис вдруг сдавленно рассмеялся, и даже лицо ладонью прикрыл, пытаясь сдержаться. Но быстро взял себя в руки.

– Макс? Что скажешь?

– Да причём тут сок? Она в принципе руки распускает по

любому поводу, а меня это не устраивает, Бать! Я ж ответить-то ей не могу!

– А кому можешь? Мне что ли? Тогда, может, снова ко мне пойдёшь? Я давно об этом подумываю, да Милаха не даёт. Защищает тебя, прикинь, а ты свалить от неё хочешь! Так давай ко мне на перевоспитание, и обратно к ней! Я ж так понимаю, проблема в твоей дисциплине?

– Да уж лучше к тебе, Бать! Ты хотя бы из-за ерунды не бьёшь.

Денис выдохнул, мотнул головой.

– Детский сад. Вы ещё горшками подеритесь! Может, думаете мне больше заняться нечем, кроме как бредни ваши слушать?

– Я не хочу больше с ним, – упрямо сцепила я руки на груди. – У меня терпение кончилось.

Пауза.

– Как хотите, – устало махнул рукой Денис. – Но тебя, Макс, я не отпускаю. Просто перекину, понял? Мне сейчас надёжные люди край как нужны.

– Спасибо, Бать.

– Спасибо... Она тебя на спор выиграла, а ты не можешь уяснить, что в салоне жрать запрещено. Да вы идеально друг другу подходите, ребят! У вас даже срачи любовные, детские! Ладно. Завтра жди звонка. А на сегодня всё. Отбой.

Глава 10

– Зачем ты с ним так?

Денис стоял у выхода из лифта в пол-оборота ко мне. Глаза закрыты, подбородок чуть вздёрнут, руки в карманах. Спит на ходу.

– Как так?

– В лоб! Я на его месте тоже не стала бы оправдываться.

– Ты девка, тебе можно ломаться. А он мужик, а прибежал ко мне жаловаться на твой дурной характер. Я даже охренел, не ожидал от него. Потому и прижал, что хотелось глянуть, насколько он обабился. – Помолчал, и показалось, даже, что снова заснул. Но нет. – Ты его реально испортила, Милах. Всего за четыре месяца.

Двери разъехались, и Денис вышел в подъезд. Я следом.

– Ну и всё равно, кто так делает? Можно же было как-то помягче разговор начать, сказать, мол, вот Люд, Максим говорит, что...

– Чш!

– Чего?

Молчал, пока не зашли в квартиру.

– Не имей привычки обсуждать дела во всеуслышание. – И тут же притянул меня к себе, устало улыбнулся. – Так ты что, реально барыню включила? Злобствуешь?

Потёрлись носами.

– Да пару раз всего! И то по делу.

– Если пару раз, то, может, на мировую пойдёте? Я реально не хотел бы сейчас новых людей брать, а старые все при деле.

– А Виталя? Ну, в смысле, ты же сейчас сам приехал? Ну вот, пусть пока он меня повозит, а дальше видно будет? А Макса, кстати, к Ленке приставь!

– Нахрена?

– Ну ты же хотел понаблюдать за ней? Вот. Под видом заботы всучи ей личного водителя. Макс с виду туповат, подозрений не вызовет, а тебе будет докладывать. Только не на моей машинке, ладно? – бровки домиком, глазки покруглее. Как тренировка перед предстоящим разговором об Олимпиаде. – Пожа-а-алуйста!

– Ой, Милаха-а-а... – усмехаясь, он расцепил руки и пошёл в комнаты. – Чую, туда-сюда – и хватка у тебя покрепче, чем у Боярской будет.

Упоминание о ней остро кольнуло ревностью, и Денис словно почувствовал это. Рывок обратно, и вот он уже обнимает меня, едва не душит, прижимая к груди.

– Виталя, так Виталя, Милаш. И на счёт Макса с Ленкой ты, пожалуй, права. Я бы сам до такого не дошёл, серьёзно. Да и не до этого сейчас.

– Денис... я сегодня новости смотрела, про Вуд-Люкс показывали.

Он мгновенно посерьёзней, отстранился.

– Люд, не лезь в это. Даже не начинай. Ясно?

Строго посмотрел на меня, а я, туту же ухватив его за плечи, привлекла ближе к свету.

– Что у тебя с глазами?

– Что?

– Сам посмотри!

Он глянул в зеркало и, поджав губы, кивнул, словно соглашаясь с чем-то в своих мыслях.

– Это... Ничего страшного. Стресс, недосып. Внутречерепное давление. Всё в кучу, короче. Пройдёт.

Ну может, и пройдёт, но выглядело жутковато: один зрачок маленький, а второй почти во всю радужку.

Пока пил чай – пытался говорить о ерунде, но я его практически не слушала.

– Денис, может, тебе к врачу? Серьёзно, ты ведь...

– Милах, – перебил он, – это действительно не страшно, и я действительно знаю, что с этим делать, угу? А ты знай, что делать тебе. Кстати, про тебя – не пойдёшь в ваш технарь на вышку. Только время терять. В Москву поедешь, я уже договорился с кем надо, тебя зачислят вне конкурса.

Я чуть не подавилась.

– В смысле?

– В прямом. Московский университет экономики. Образование хорошее дают, качественное. Пойдёшь на «Экономику предприятия» и, дополнительно, на английский – самое, что надо при нынешней жизни. Тебя потом с руками

оторвут, куда не придёшь. Жить не в общежитии будешь, не переживай. Агенты квартиру уже присмотрели, двушку с евро-ремонтom, в хорошем месте, и от универа недалеко. Я правда, пока только на фото видел, но всё очень прилично. А как разгребусь немного, сгоняем, вживую заценим, угу?

Что происходит вообще? Как это – в Москву? Растерялась, не понимая, как реагировать.

– Хата, кстати, с сюрпризом, – поймал Денис мою руку, улыбнулся, но тут же отвёл взгляд. – Ты хозяйкой будешь. Правда, в окончательное право собственника сможешь вступить, только когда получишь диплом, такой вот тебе стимул учиться по-настоящему. Но зато и получишь при любом раскладе.

– В смысле?

– При любом, Милаш, – посмотрел на меня. – Вообще при любом. Ты, главное, доучись.

– В смысле – в Москву?! – я вскочила, заметалась по кухне. – Я не могу!

– Не понял? Ты же говорила, в техникум пошла потому, что Москву по финансам не потянула?

– Ну... Да, не потянула, но... – дебильная, просто идиотская какая-то ситуация. Капкан, зубья которого вот-вот со скрежетом захлопнутся. – Я не могу в Москву, Денис!

– Почему?

Он начинал раздражаться, а я... Что я могла – рассказать ему про Зойку?

– Потому что!

Рванула к раковине, машинально принялась полоскать тряпку для посуды. Лишь бы не к нему лицом. Сердце заходило паникой, руки дрожали. А Денис молчал. Он ждал нормальных объяснений, и я это знала. И тут осенило! Повернулась к нему:

– У меня мама беременная, я не могу уехать!

– Ты серьёзно? И это повод засрать своё будущее? Или у тебя мама лежащая? Так сиделку наймём, в чём проблема?

– А... А как же Ленка? Она же тоже в Москву хотела, а получается, ты меня вместо неё? Я так не могу! Я... Я не могу так, Денис!

Он сжал лежащую на столе руку в кулак. Было видно, что с трудом сдерживается.

– Ленка тебя вообще не касается. У неё всё по расписанию. И вне зависимости от того получит образование или нет – будущее у неё уже есть. И местечко тёпленькое готово. И угол. И... – упёрся лбом в ладонь, выдохнул и, взяв себя в руки, поднял голову. – Вот только тебя это не касается, Люд. Всё? Все причины?

– Нет...

– Говори.

А вот про Олимп сейчас вообще не к месту. Психанёт, разнесёт тут всё к чертям... Да и как про него теперь вообще говорить, после ЭТОГО?

– Ты.

И это даже не было ложью. Основная причина он, и только он. Корень, в который следует зреть.

– Что – я?

– А как же ты?

Молчал, разглядывая моё лицо и окончательно успокаивался. Гнев уходил, возвращалась страшная усталость.

– Я буду приезжать к тебе, Милаш. А кроме того, есть ведь ещё каникулы. Не говоря уже об экстернате. Ты сможешь, я в тебе не сомневаюсь.

– А может, ты от меня избавиться хочешь? Надоела?

Он нахмурился:

– Ты что несёшь?!

А меня действительно несло. Я почувствовала его слабость. И теперь, как последняя дрянь с отчаянием вгрызалась в то место, что оказалось самым уязвимым – наши отношения.

– Меня подальше, Боярскую поближе? Да? Отлично!

Он молчал, глядя на меня с каким-то зверским офигиванием. Заезженная, сотни раз закрытая тема, эта Боярская, а я снова... Но манипулировать больше было не чем. Только своей ревностью. Давить на неё, взывая к жалости и жертвовать.

– А давай, сошли её тоже куда-нибудь подальше отсюда, тогда и поговорим! Слабо? – Думала ли я, что будет, если он вдруг согласится? Нет. Я вообще не думала. Меня просто несло. – Ну, чего молчишь? Где же твоя сказка о том, что сейчас не время её гнать? Что она именно сейчас нужна?

Сейчас, вчера, завтра – да блин, всегда! Ну скажи, скажи!

А самое ужасное – я начинала верить себе. Недавний разговор с Боярской зазвенел в груди натянутой струной, так остро, так больно. Кажется, порезаться об него можно. Аж в носу засвербело от невыносимости того, что я сама же и кидала в лицо Денису. И думала ли я о том, что чувствует он? Нет.

– Сейчас действительно не время, Милаш. Ты же видела новости. – Он говорил глядя в стол, держался, как мог, даже вена на виске вздулась. – Давай не будем сейчас об этом?

– А когда-а-а?! – зашипела я. – У тебя никогда не время! Я устала от этого! Ты со своей Боярской бываешь чаще, чем со мной, не удивлюсь, если ваши отношения далеки от деловых! Нет, правда, Климыч тебе на что? Если он ведущий финансист, то какая разница, кто будет у него на побегушках? Зачем тебе Боярская?

– Люд... Ты просто не видишь всей картины.

– Ой, всё! – махнула рукой и в очередной раз отвернулась к мойке. И вдруг вспомнила, резко развернулась обратно. – А Расскажи-ка про вашу поездку? Это же Боярская так срочно уволокла тебя в Польшу? Ты не думаешь, что она может быть замешана в захвате Вуд-Люкса?

– Нет.

– Да ладно? И почему же?

Он устало опустил голову, побарабанил пальцами по столу. Словно нехотя ответил:

– Потому, что поездка закончилась двумя крупными контрактами – и в Италии, и в Польше. Но перед этим была проделана огромная подготовительная работа. Так что это не Боярская меня затащила, Люд. Это по плану и держа руку на пульсе. И давай закроем тему, ладно? Не факт, что этой ночью удастся нормально поспать, так что... Давай не будем? Пожалуйста.

– А Германия?

Он вскинул голову, и я увидела в его глазах... Растерянность?

– Откуда ты знаешь?

– Пфф... Угадай с одного раза!

Сцепились взглядами. Конечно он знал откуда. Не от Медка, это точно.

– Ну? Германия тоже по плану?

– Нет.

Никогда не думала, что пульс можно чувствовать просто так, не прикладывая пальцев к артериям. Всё тело – один сплошной пульс, аж потряхивает.

– Тогда зачем?

– По делам.

– По каким?

– По безотлагательным. И всё, без комментариев. Просто, либо ты мне веришь, либо нет. – Взгляд прямой, в глаза, но непроницаемый.

А верю, почему нет-то? Да и кому ещё верить, как не ему,

если и самой себе уже не очень-то? Но мне нужно, жизненно необходимо услышать это от него!

– Просто скажи, что у вас ничего не было? Пожалуйста.
А он... Он отвёл взгляд и поджал губы.

Это Макса я, спалив на брехне, лупила и орала, что он дебил. И торжествовала от своей правоты. А теперь... Я вдруг испугалась её.

– Пожалуйста... Ведь не было? – шёпотом.

Пауза. Тягучая, удушливая. Казалось, так и будем молчать целую вечность. Но Денис не из того теста. Он же, блядь, мужик. Грёбанный Батя. Выдохнул, разомкнул намертво сжатые зубы и...

А вот я не смогла. Услышать то, что он собирался сказать, было выше моих сил! Просто кинулась вон из кухни, словно пытаюсь сбежать от палача. Но палач был быстёр. Он вскочил – за его спиной с грохотом свалился стул, схватил меня за руку, крутанул, зажимая в тисках, перехватывая со спины поперёк живота, и вздёрнул над полом. Я извивалась, молотила его кулаками, царапала руки. Молча. Отчаянно. Пока не иссякла. Не обмякла.

Трясло так, что не могла начать слово:

– Пп... п... п...

И дыхания не хватало, и просто не шёл голос. До отчаяния. До бешенства.

– Милаш, это совсем не то! Послушай, малыш, это... Это вообще ничего не значит! Ну, послушай...

– П-пусти... – всё-таки выдавила.

– Мила-а-аш...

– Пусти! Пусти, пусти, пусти! – откуда только силы взялись! Снова изворачивалась, задыхаясь от того, что он только сильнее сжимает меня, не давая сделать вдох. – Пусти, ты... Скотина! Гад! Сволочь!

Пятками по голениям, со всей дури. А он терпит.

– Да это не то, Люд! Ты не понимаешь, это просто случайность! Послушай...

Извернулась, выдернула из захвата руку и вцепилась в его загривок. Удачно – пальцы попали под воротник. Всю злость, всю боль, всю обиду – всё в это скольжение. Ненависть сюда же. Пусть тоже корчится, пусть тоже воет, сволочь! Чувствую, как ногти пропахивают кожу шеи – от основания до самого затылка, и снова... И снова... А потом подвернулась его щека...

И Денис швырнул меня на диван, а я изловчилась в полёте, саданула его ногой по животу. Жаль по яйцам не получилось. Саданула хорошо, но без толку, он всё равно скрутил меня, навалился сверху – ни вздохнуть, ни ойкнуть, упёрся носом в висок:

– Милаш, послушай, просто послушай! – Крепко держит, сволочь. Железно. – Это ничего не значит. Просто случайность!

Я даже дёрнуться не могу. Паника и бессилие. Бессилие бесит. Застит разум, не даёт слушать. Слышать.

– Не знаю, что она тебе наплела, малыш, но это... Блядь, Милах, это было один грёбанный раз, да и то...

– Пусти!

– Сначала выслушай!

– Пусти!

– Выслушай!

– Ты... Ты сволочь... Гад. Предатель! – и я заревела.

Он сгрёб меня в охапку, усадил к себе на колени. Словно ребёнка. Обнимал, что-то шептал. Даже покачивал, словно пытался убаюкать. Вот только я ни хрена не ребёнок больше. В очередной раз резко увернулась от его губ, лезущих к моим слезам на щеках, что есть мочи врезала ему локтем по груди:

– Пусти!

Он на мгновение ослабил хватку, я тут же рванулась из его рук – и в коридор. Он следом.

– Куда ты?

Я отчаянно пыталась попасть ногой в босоножек. Бежать. Срочно! Пока есть силы, пока небо не рухнуло на землю и не погребло нас с ним в одной могиле. Только не с ним!

– Стоять! – приказал он. – Никуда ты не пойдёшь! – Схватил за локоть, я попыталась выдернуть, но куда там! Рванул, разворачивая к себе. – Я уйду! Ты слышишь? Я!

Я слышала, но не понимала. До тех пор, пока он не схватил меня за подбородок, не сжал пальцы, заставив замереть от боли. Посмотреть на него.

– Я уйду. – Твёрдо, тоном, не терпящим возражений, по-

вторил он. – А ты останешься здесь. А утром, когда тебя отпустит, поговорим. Ясно?

– Да пошёл ты... – брыкнулась, дёрнулась в сторону двери. – К чёрту пошёл!

Не пустил.

– Ну куда ты собралась? Там ночь!

– Да куда угодно, лишь бы от тебя подальше! Ты... Ты... – снова заревела и, обмякнув, сползла по стеночке. Уткнулась лбом в колени. – Я домой поеду. К маме.

Присел напротив меня, погладил по голове.

– Останься здесь, Милаш. Очень тебя прошу, останься.

Мотнула головой, сбрасывая его руку:

– Нет.

– Люд... Малышка, девочка моя, глупыш, ну... Ну останься! Я уйду. Ты успокоишься, потом поговорим. Я всё объясню.

– Нет.

Сдавленно выдохнул.

– Ну куда ты пойдёшь, в общагу? В трущобы эти? Давай хоть в гостиницу отвезу, если здесь не хочешь. Есть люкс в Интуристе, там...

– Блядей своих по гостиницам вози! – крикнула прямо в лицо и в новом приступе истерики замолотила, не глядя: по его лицу, по плечам и рукам. – Боярскую свою, вози! Пусти меня, слышишь? Я всё равно уйду! Не удержишь!

Он поднялся.

– Ладно. Пусть к матери, если хочешь. Но тогда я сам тебя отвезу!

– Нет!

– Значит, я просто закрою тебя здесь! – он сорвал ключи с крючка, и я поняла, что ведь и правда закроет.

– Стой! – Поднялась, подхватила с полочки сумочку. – Хрен с тобой. Вези.

Ночь, дороги пустые, куда ни плюнь – мигающие жёлтые... А он еле плетётся. Глянула на спидометр – сорок. Тот мы уже полчаса как едем, а ещё даже не полпути. И это при том, что днём он редко когда ниже сотни топит. По городу!

Сначала молчал. Одну за другой смолил свой «Парламент» и искоса поглядывал на меня. Магнитола тихо, на границе слышимости, играла что-то незнакомое, вынимающее душу, хотя вроде и не медляк. Потом попытался положить ладонь на моё колено – я дёрнулась, вжимаясь в свою дверь, и он тут же убрал. Побарабанил по рулю. Совсем выключил музыку.

– Это Климыч. – Голос был ровный, но насквозь пропитанный смертельной усталостью. – Он завод отжимает. И весьма успешно, потому что хорошо подготовился. Потому что я скорее на самого себя подумал бы, чем на него. Потому что друг... Был. С правом подписи и полным пониманием теневых схем. Всё ж через него делалось, и во многом с его

подачи. Мы же с самого первого дня вместе. – Вздохнул. – И если бы только завод... – Снова закурил. – Олежка не поленился, подстраховался: по всем фронтам такой херни наворотил, и так красиво приурочил к отжиму Вуд-Люкса, что я не знаю, за что и хвататься-то теперь. То ли сливать деревообработку, чтобы хоть как-то с остальным совладать, то ли сделать ставку исключительно на завод: там ведь реально золотое дно, и если продолжать рыть его дальше – через экспорт, через госзаказ и расширение производства, то и на хер ничего остального не надо... Но блядь, как выбрать, это же... Я часть жизни на это променял, восемь грёбанных лет говна и крови. Как выбрать?

Я по-прежнему смотрела в окно. Не хочу. Не мои проблемы. Сам говорил – не лезь.

– Мне реально без Боярской сейчас никак, Люд.

Я фыркнула. Дебил. Если уж ты Климыча просрал, то за этой сукой и подавно не уследишь.

– Она ведь мне Климычем за последний год весь мозг вынесла. А я не верил. – Усмехнулся Денис. – Я у него за каждый её наезд напрямую спрашивал, по-пацански, а он ржал и все стрелки обратно на неё переводил. И вот ему-то я верил, потому что как раз незадолго до этого отворот ей дал. Ну... в личном. Думал, мстит. А когда с землёй под храм херня началась – чуть не выгнал её сгоряча. По всем признакам крысу чуял, с другом Олежкой, блядь, советовался. – Снова усмехнулся. – А по итогу, под московскую крышу меня

именно Боярская и вывела. И если бы не её многоходовки, кто знает, может в СИЗО бы сейчас куковал. С долгосрочными перспективами.

– Но не выгнал же! – не выдержала я. – Несмотря на советы близкого друга!

– Правильно. Я ж подловить её хотел. Да и от каналов сначала отрезать надо было, рабочие схемы обновить. Незаметно. Понимал, что как только рыпнусь, она зубами драть будет, но без боя не сдастся. А вышло так, что воевал не с тем... Понимаешь?

Я понимала, не дура. И поэтому была отчаянием в чистом виде. И пустотой. Он действительно без неё не вывезет. Не то, чтобы это его оправдывало, но открывало мне глаза. Хватит уже хорохориться: счёт ноль/сто. Сиськи безнадёжно проигрывают мозгам. А любовь вообще нервно курит в сторонке.

Снова полились слёзы. Тихо, но нескончаемым потоком. Я отворачивалась к окну так, что шею щемило, и хотела только одного – в норку. В безопасную, знакомую, понятную. И пусть она убогая, гнилая и смрадит безнадёгой... Она – дно, да. Но дно – это ещё и опора. И именно это мне сейчас и нужно.

Едва тормознул у общаги, я попыталась выскочить, но дверь оказалась заблокирована.

– Обещай, что не будет никаких глупостей, вроде блядства из мести. И нам обязательно нужно будет серьёзно погово-

ритель. В принципе, я готов сейчас, и если ты...

– Нет!

Он ведь всё правильно сделал, со знанием дела: отпустил домой, настоял на сопровождении, растянул дорогу почти на два часа... И моя, мгновенно взметнувшаяся-было до самого пика обида, замерла сейчас на острие, зыбко покачиваясь, ища хоть какой-то баланс. Но в любой момент должен был начаться откат. Я могла бы начать жалеть себя, его, нас. Вступать в диалог, поддаваться на уговоры. Прогибаться и впадать в иллюзии. И дело даже могло закончиться тем, что мы прямо сейчас поехали бы обратно...

Но по всем законам маятника, потом снова случился бы всплеск обиды и боли. А за ним – новый откат. И так бесконечно долго, пока не успокоилось бы. *Если* успокоилось бы, учитывая, что Боярская всегда будет рядом с ним. Страшно даже представить эту боль и пустоту выгоревшей души. Лучше уж сразу.

– Денис, я не хочу больше. – Каждое слово словно надрыв. – Открой!

– Я люблю тебя, – глядя в пустоту перед собой, вздохнул он. – И ничего не могу с этим сделать. Ничего.

– А я тебя – нет! И вообще, если ты ещё не понял, я с тобой только из-за денег была! Открой!

– Я тебе не верю.

– Я тебе тоже!

Он опустил голову, кивнул... и разблокировал двери.

Глава 11

06.06.1995г. Вторник.

Я ещё даже не дошла до подъезда, когда, с сухим коротким скрежетом черканув асфальт колёсами, Джип исчез в ночи. И я добилась-таки своего, осталась в гордом одиночестве. И внезапно это оказалось страшно. Навалилась слабость: до тошноты, до головокружения. Пустота, господи, какая же пустота без него! И завтра не хочется. И послезавтра. И вообще ничего. Только позавчера, месяц, два, три назад – начиная с того момента, как я проснулась в берлоге Медведя от тихого шёпота: «Мила-а-аш...»

Общага спала. Невозмутимая, выдавшая такое, что никакими соплями дурочки с разбитым сердцем не проймёшь. Учёная чернухой дна, мудрая до безразличия, а потому и вечно живая. Есть о чём задуматься, да, Милусь?

Судорожно вцепившись в свою сумочку, я замерла у распутища напротив кухни с постоянно включённой дежурной лампой. Стояла, как когда-то Боярская, принохивалась к душному смраду, соображала, что я тут делаю. Убегали в темноту коридоры: налево пойдёшь – к Барбашиным попадёшь. Направо пойдёшь... Ну, в общем, тоже никому не нужна.

Я больше не отсюда. Я словно инородное тело, попавшее в организм, и даже если общага снова поглотит меня, я уже

не стану своей. Так и буду наростом на её шкуре.

Потом стояла у двери некогда своей комнаты, вертела в пальцах ключ. Забавно. Я не вспоминала о нём почти полгода, а он случайно оказался в моей сумочке. Зато ключ, которым пользовалась всё это время каждый день – случайно остался там, на крючочке в белокаменке. Кесарю – кесарево, всё верно.

Вопрос только в том, что если я и не отсюда, и не оттуда – то откуда?

Второй час ночи. Что я скажу матери? Толику? Как сдержаться от слёз, когда начнутся расспросы? Хотя, зачем мне расспросы, мне и без них нормально... Уткнулась лбом в дверной косяк и отпустила себя. Ревела, давя всхлипы, боясь, что услышит вездесущая тётя Зина, и всё не могла остановиться.

Господи, какая же я дура! Зачем мне было нужно всё это? Ведь можно было сделать вид, что не понимаю. Что ничего не происходит. Мало ли что эта сучка Боярская там несёт? Она же потому и подначила меня, что и сама изнывает от безнадёги. Ведь один раз ещё ничего не значит. Всё равно он не с ней. Он со мной!

Был.

Собственно, вот он – откат во всей красе. И если бы рядом был Денис...

Наревевшись, опустилась на корточки и... рассмеялась. Не то, чтобы мне было весело, но тупизм ситуации зашкали-

вал. Интересно, если бы Денис не обронил вот это: «Обещай, что не будет блядства из мести» – сидела бы я до сих пор здесь, или давно бы пошла к Лёшке? Да, да, Савченко тоже хорош, кто спорит-то, но он бы точно меня принял. Хотя не важно. Сейчас я сидела под дверью в свою позапрошлую жизнь и понимала, что это только из-за того, что Денис словно видел меня насквозь и предугадал ход мыслей. А уехав, словно выдал мне кредит доверия... Который я не могла не оправдать.

Ну и как это называется? Дура – вот как. Какой нахрен кредит доверия, после того, что ты ему сказала, Кобыркова? Он просто уехал. Как ты и хотела. Может, даже, к Боярской рванул... А ты сиди, сиди. Оправдывай.

Ноги затекли, я встала и, не задумываясь, побрела в конец коридора, к сортиру. Заперто. Да ладно? Кому там приспичило, да ещё и при выключенном свете? Хотя, может, и сломался. Бывало и такое – тогда его закрыли почти на полтора месяца. Уже повернула обратно, когда шпингалет щёлкнул, и из туалета, в клубах сигаретного дыма, показалась голова. Я присмотрелась: Артём, пацан со второго этажа. Из ушей провода, в руке плеер. Не ожидал меня увидеть, заметно вздрогнул. Я тут же пихнула его обратно в сортир и прикрыла за собой дверь. Жестом велела выдернуть наушники.

– Куришь, мелкий? А если матери скажу? – конечно же, я не собиралась стучать. Просто попугать. Хоть какое-то развлечение.

– Она на ночной...

– Понятно. Что слушаешь?

– Наутилус.

– Ну-ка...

Он протянул мне один наушник, я приложила к уху, и сердце ёкнуло – та самая песня, которую всего пару часов назад еле слышно играла магнитола Дениса.

– Дай второй! – Я не просила. Велела. И Артём, всё такой же растерянный, безропотно протянул и его. Я немного послушала. – А я что-то не слышала у них этого?

– Новая!

– М... А чего качество такое стрёмное?

– С телека писал.

– Мм...

– Людка, я пойду, а?

– Да, свободен, – мотнула головой на выход. – И не кури больше, понял? Увижу, уши надеру.

Он не двинулся.

– Ну?

– А плеер?

– Завтра отдам.

– Э-э-э...

– Чш-ш! Чего ты орёшь? Говорю – завтра! На вот, – сунула руку во внешний кармашек сумочки, вынула мятый косарь, – считай, напрокат взяла. Нормально?

Он хотел деньги, это было видно. Но и за плеер боялся.

Наверное, у старшего брата стянул.

– Тём, ну я его сожру, что ли? Верну, серьёзно. Я тебя когда-нибудь обманывала?

– Не.

– Ну и всё. Давай, давай. Утром ещё штукарь накинута, идёт?

Тот, чуть замешкавшись, всё-таки кивнул.

– Ну и всё, – протянула ему ладонь, – по рукам?

– По рукам! – А уходя, обернулся: – Только там это, перемотка не работает. На карандаше надо.

– Не ссы, разберусь.

Да, без карандаша было хреново. Крутить на пальце вообще не то – только ногти обдирать. Да и медленно слишком. В поисках чего-то поудобнее забрела на кухню. Подфартило – на подоконнике лежала картонная папка «Дело №», полная газетных вырезок с рецептиками, тетрадных листов – чистых и исписанных, ну и шариковая ручка. Перемотала кассету немного назад, упёрлась лбом в треснутое стекло окна, закрыла глаза...

Качество реально херовое, писал так, «через комнату», то есть, просто поднеся мафон, или на чём он там, к телевизору. К тому же, похоже, поверх другой записи. Так что на фоне не только тётя Марина – Тёмкина мать вполголоса материла дядю Витю – отца, но ещё и иногда прорывались звуки «нижней» песни. Но в целом...

С первых нот – хриплый, немного ленивый такой саксофон с хулиганским характером. Прямо по нервам! Незамысловатый мотивчик вступления, но от него быстрый, просто мгновенный какой-то позитив. Словно в душу фонариком посветили. Жаль с текстом засада. Ужасно хотелось понимать, о чём напевает своим бархатным голосом Бутусов – ведь он ну просто не может о херне! – но, блин, слишком много шума фоном!

«Я просыпаюсь.../непонятно/... я просыпаюсь.../долго непонятно/...и что в живых остались только мы с тобой

Фу-у-ух, ворох мурашек, волоски на руках дыбом. Блин, как это можно вот так – одним, двумя словами душу подцепить, а?

«И что над нами.../непонятно/...воды, и что над нами.../непонятно/... не хватит на двоих. Я лежу в темноте»

И припев – такой прозрачный и точный. На поражение:

«Слушая наше дыхание, я слушаю наше дыхание. Я раньше и не думал, что у нас на двоих с тобой одно лишь дыхание. Дыханье... Сука, ты Вить, понял?» Я невольно рассмеялась – тётя Марина не вовремя вклинилась, конечно...

Раз за разом слушала и мотала, слушала и мотала – и час спустя разобрала уже практически весь текст. А ещё обнаружила, что изрисовала почти все пустые тетрадные листы из папки с рецептами. Маленькие, но тщательно прорисованные почеркушки – какие-то люди, киты, птицы. Кто был на этих рисунках? Не знаю, но думаю, что я-то точно там была.

Я и мой мир. Мои чувства. Такие же корявые и неумелые, как и сами картинки.

А ещё, весь этот час я улыбалась.

«Я пытаюсь *разучиться дышать*, чтоб тебе хоть на минуту отдать того газа, что не умели ценить... *Но ты спишь и не знаешь* – а у меня на это словно эхом из глубины души откликается: «Я люблю тебя, Люд. И ничего не могу с этим сделать...»¹

И вроде предал, вроде поругались и даже, вроде, расстались... но я сидела и улыбалась, как счастливая дурочка, и в каждой засоренной посторонними шумами строчке песни узнавала нас с Денисом.

¹ «Дыханье» Гр. «Наутилус Помпилиус». Сл. Илья Кормильцев, муз. Вячеслав Бутусов, исп. Вячеслав Бутусов. (1995г)

Глава 12

Я так ждала его. Так надеялась, что он не выдержит, так хотела, чтобы приехал... Весь день безвылазно просидела у окна в общежитии, боясь отлучаться даже в туалет. Но с каждым бесконечно долгим часом меня всё больше сковывало мукой. Не было сил даже на то, чтобы нормально дышать.

Потом я лежала на мамкином диване, уткнувшись носом в его спинку, и грудь уже ломило от нехватки кислорода, но я не могла вздохнуть. Мне было больно, это раз, и я боялась случайно стряхнуть зыбкий анабиоз, накативший на меня как спасение – это два. Вялые-вялые мыли, такие же поверхностные, как дыхание, и обрывками эха в голове – ночная песня...

...К утру я заездила кассету до того, что плёнку сначала зажевало, а потом она ещё и порвалась в двух местах. Батарейки изгрызла до ломоты в зубах, выжала из них всё что можно...

Мой откат, когда я простила бы Денису всё на свете, длился примерно до обеда, а потом снова наступило зыбкое плато. Тот самый анабиоз, из которого страшно было выходить, потому что за ним – я это знала точно – меня ждал ад. И я уже чувствовала, как начинаю в него падать.

«Он не приехал и не приедет. А ты как думала? Любит? Угу. Конечно. Но не он ли говорил, что признания в любви

сковывают в первую очередь того, к кому обращены? Обязывают. Нагружают ответственностью за того «кого приручили»... Ну что ж, хорошая попытка, Денис Игоревич. Только надо было бы действием подкрепить! Хоть каким-нибудь! А не подкрепил – значит не больно-то и хотел. Ну и хрен с тобой тогда! Подумаешь, трагедия! Да кто ты вообще такой?!» – и всё это на фоне едкой, мучительной до тупой пульсации в затылке и перебоев в сердце ревности.

Сама мысль о том, что Боярская добилась своего, приводила меня в исступлённую ярость. Так и виделось, как она довольно мурлычет у него на груди, снисходительно посмеиваясь над красиво уделанной соперницей. Как упивается им, дорвавшись до его губ, рук, тела и страсти. Как прорастает в него всё больше и больше... И он шепчет ей всё тоже, что шептал мне, зарывается лицом в её волосы, дарит ей этот восторг – быть его, быть под ним, быть для него. Невыносимо. Хочется выть и царапать стены. Но я только лежу и боюсь шелохнуться, чтобы не впасть в истерику.

На работу я не поехала. Сначала не было сил, а потом ещё и поняла, что посрать мне теперь на Зойку. Правда, ещё часа через полтора до меня дошло, что вообще-то нифига не посрать. Наоборот. Отныне она мой единственный счастливый билетик, мой шанс и перспектива. Ну да, мадам поступила со мной некрасиво, но блин... А кто красиво? Денис?!

А поэтому – сопли в кулак, и шагом марш дружить с императрицей! Теперь уже добровольно. А там, глядишь, и к

концу года и у меня отрастут какие-никакие, а всё ж таки яйца. А кроме того, я ещё посвечусь на Мухосранском Олимпе! Я ещё не раз проплыву перед ЕГО носом, но вне зоны досягаемости. Мы ещё посмотрим, кто кого потерял!

Около девяти вечера, словно очнувшись вдруг, обнаружила себя на подходе к Лёшкиному дому. Не то, чтобы я пошла сюда в коматозе, но... соображала херово, да. Скорее просто чувствовала. Среди полного хаоса и раздрая в мыслях, желаниях и чувствах, как ни странно, остался один незабываемый, тёплый, похожий на лампадку в Красном углу маячок – Лёшка.

Ну... как-то так, да. Не смотря ни на что.

И я летела на этот огонёк как глупый мотылёк-однодневка, не соображая, что творю.

Но вот очнулась, словно кто-то за руку одёрнул... Шаг невольно замедлился, и на вторую чашу душевных весов, в противовес «Да блин, ну а почему нет-то?» упало вдруг «Кобыркова, ты что творишь, вообще?»

С одной стороны казалось Лёшка – то, что мне сейчас надо. Обиделся он там, не обиделся, предал – не предал, почему свалил в спешке из Москвы, и всё прочее мы могли бы обсудить вот прямо сейчас, стоило мне только завернуть за угол и подняться на второй этаж... Я даже свет в его окне уже видела. И, что самое интересное, мы бы поговорили! Без дебильных недомолвок, без пафосных «ты ничего не понимаешь» и «так будет лучше для тебя» Нет, бывало, конечно,

что мы с ним тупили и плутали в трёх соснах, как придурки обижаясь друг на друга за какую-нибудь фигню, но ведь, то игра такая была – «вынеси мозг» называется. А сейчас не было настроения играть, к тому же, мы, кажется, оба доросли до нормального «поговорить» И поговорили бы, без сомнения. Но вот что потом? Пятой точкой чувствовала, что всё могло бы закончиться тем, о чём предостерег Денис.

Остановилась. Короче, я не должна. Пусть Денис и козёл, но он – не я. Сначала поговорим. Объяснимся.

Идти мне было некуда. Общажное кресло-кровать, заблаговременно освободив место для будущей кроватки малыша, давно валялось на городской свалке, белокаменка – по понятным причинам не вариант, да и ключа нету. В кошельке что-то около сотни косых, но это не проблема. Зарплата в Олимпе по неделям, кроме того, Зойка обещала премию за Москву. А если окончательно забить на технарь, то можно набрать ещё и утренних групп. Так что сниму квартиру, не вопрос, но это завтра, а сейчас?

Гостиница «Тяжстрой», расположенная в трёх остановках от общаги, встретила меня прокуренным вестибюлем и тишиной. Обстановочка, конечно, далеко не Интурист. Но у нас на районе другого ловить и не приходилось. Зато номера относительно дешёвые.

Но даже тут не срослось. Оказалось, что мой паспорт тоже остался в белокаменке, а поселить меня без него, даже на одну ночь, не согласились. Ну что за хрень? Такое ощущение,

что я лишняя на этой планете... Значит всё-таки в общагу. На коврик перед дверью, блин.

В гордом одиночестве стояла на остановке, ждала последний автобус, когда к бордюру с визгом подлетела чёрная девятка, и из неё выскочил чёрный орёл. Спасибо хоть темные очки с круглыми стёклами были на лбу, а не на глазах. Маленький – мне по плечо, понтовый. Спортсмен, наверное, хрен ли, не просто же так в спортивном костюме, угу. И в модных резиновых шлёпках.

Бежать сразу было как-то стрёмно, поэтому я просто шагнула к краю остановочной будки, туда, где, наполовину выглядывая из под заплёванной лавки, торчало покорёженное цинковое ведро – подобие мусорки. Если что, буду им отбиваться и орать, а что делать-то?!

Кавказец сразу пошёл в наступление: шалям-балям, покатаемся-помотаемся, шапусик-мампусик, шоколадку-моколадку и всё такое. Я молчала и отворачивалась. Где, блин, этот автобус? До полного счастья открылась водительская дверь, и из неё вылез ещё один горный орёл. Страшно, но в принципе – не особо криминал. Люди на улице были, хотя и мало. К тому же в этот момент короткий свист, и откуда-то подбежал мужик:

– Пацаны, сигаретка будет?

Этот, с очками на лбу, нехотя протянул пачку. Мужик закурил, стал что-то спрашивать, орёл неохотно отвечать. Водила вообще нырнул обратно в салон, а я вдруг поняла, что

надо валить вот прямо сейчас, пока не свалил мужик.

Быстрым шагом щеманульсь от остановки и, снова проходя мимо «Тяжстроя» чуть не подпрыгнула от счастливой идеи. Зашла внутрь, попросил позвонить. Администратор долго ломалась, но два косаря сделали своё дело. Набирая номер, я молилась, чтобы Макс ответил. Он не ответил. Я набрала ещё. Не ответил. Кинув на администраторшу красноречиво отправляющий в задницу взгляд, я набрала снова.

– Алло.

– Блин, Макс, где тебя носит?! – Ну, так себе приветствие, но это от огромного светлого счастья. Думаю, он понял. Рассмеялся:

– И тебе привет, Люд! Как дела?

– Нормально. Ты можешь подъехать ко мне? Прямо сейчас.

– Ну вообще я уже из душа... А что-то случилось?

– Не по телефону. Можешь?

– Ну... ладно. Двадцать минут ждёшь?

– Да, нормально.

Положила трубку, буркнула спасибо и уселась на диванчик. Могут меня убить, но я с места не тронусь, пока не дождусь своего спасителя. И тут осенило! Куда он поедет-то? В белокаменку?!

Снова с трудом выпросила телефон, молилась, чтобы Макс был ещё дома. Повезло. Он, конечно, охренел, когда услышал адрес и сказал, что ждать придётся почти час. А я

и сама понимала. Но хрен с ним, главное, чтобы приехал.

– Макс, сними мне номер, пожалуйста.

Он поперхнулся сигаретным дымом. А пока прокашливался – думал. Ой, Макс, я ж тебя как облупленного знаю! Спрашивай уже, хитрая морда, всё равно сам не догадаешься.

– Не понял?

– Ну чего ты не понял? Паспорт я забыла на хате, а к матери вообще не вариант идти. Дня на три, ладно? Думаю, за это время квартиру сниму. Блин! – всплеснула руками. Дождалось. – А как я её сниму-то, без паспорта?

– Всё равно ни хера не понял, Люд, – признался Максим. – Давай по порядку.

– Да, блин... Мы с ним, кажется, разошлись, Макс. – К горлу как-то внезапно подкатил гигантский ком, но я, срочно пересиливая себя, даже умудрилась улыбнуться: – А я вот, прикинь, – указала на себя руками, – как выскочила из дома, так и всё. Ни вещей, ни документов. Даже ключи забыла.

Он отвёл взгляд:

– Понял... Но тогда, может, хоть гостиницу попримечнее? Эта стрёмная какая-то. И райончик тоже беспокойный.

Вот за что люблю мужиков – лишних вопросов не задают. Какой-нибудь там подружке пришлось бы сейчас от сотворения Мира до сего дня всё пересказывать. Точно бы без соплей не обошлось. А вот деловой тон Макса даже в чувство

привёл.

– Слушай, а ведь я об этом даже не подумала! Давай, куда-нибудь поближе к Олимпу? Чтобы я пешком могла ходить.

– А на учёбу как? Через весь город?

– Какая учёба, Макс? Лето на дворе!

– А консультация по специальности? Завтра в девять, между прочим.

– Откуда ты... – и тут дошло.

Мы стояли на улице, перед входом в гостиницу, и я уже добрых минут десять разглядывала тёмно-синюю Тойоту «Камри», на которой он приехал – ту самую, на которой ездил Денис, пока не купил Джип взамен разбитому. Машина не новьё, но весьма приличная. Разглядывала, но не придавала значения – не до того было. А теперь не смогла сдержать улыбку:

– Он всё-таки отдал тебя Ленке?

Макс тоже расплылся.

– Ты зараза, Макс, – я, шутя, пихнула его в плечо. – И молчит, главное, как партизан! Ну и как оно? Лямур-тужур?

Он засмутился:

– Люд... Ну... Давай без этого.

– Да ты офигел! Знаешь, вообще, чья это идея была? Моя!

– Серьёзно? Спасибо.

– Да блин, спасибо... С тебя бутылка коньяка и пьянка, понял? Я теперь женщина свободная, имею право!

– Ну ты, великий комбинатор, – он, тоже шутя, подпихнул меня под затылок в сторону тачки, – шляется по ночам одна... Свободная женщина, блин.

Номер оказался приличным. Не Интурист, конечно, но и не мамкина общага. До Олимпа – десять минут прогулочным шагом по проспекту Строителя. Идеально. Ещё бы квартиру тоже где-нибудь поблизости найти.

Примерно с полчаса, сидя у меня в номере, Макс рассказывал о том, как почти весь день сегодня убил в сервисе – тачка-то с виду козырная, а вот с ходовой какие-то нелады оказались. Я кивала и зевала. И выгнать неловко – всё-таки выручил он меня здорово, но и сил больше не осталось. Вообще. Вторая ночь без сна, нервы. Наконец, он и сам догадался.

– Завтра утром всё равно через тебя еду, может, подхватить?

Я задумалась. Оно бы и не плохо – всё не на перекладных трястись. К тому же, хотя технарь и окончательно казался теперь пустой тратой времени, бросить его вот так, не закрыв сессию – рука не поднималась. Глупо да, но это натура такая. Бабушкина.

– Не знаю, Макс. Это шило на мыло получается. Если Ленка спалит тебя со мной, то какой смысл вообще было кипешить?

– Да как она спалит? Я тебя до технаря довезу, а потом к

ней. Просто пораньше надо будет выехать.

– Как, как... Смешной ты. Как я вас спалила? Бабья интуиция! Хотя, конечно, было бы неплохо.

– Всё, короче, я к семи подъеду.

Подошёл к двери, неловко потоптался.

– Слушай, ну а может у кого-то ещё ключи есть? У Медка например? Или у Боярской?

Меня аж захлестнуло! Как кипятком на голые нервы... Чтобы у Боярской, ключи от нашего гнёздышка?!

– Нет, серьёзно, – не заметил моей реакции Макс, – ты бы хоть вещи свои забрала, документы. А то, когда он теперь приедет, что ж тебе...

– В смысле – приедет?

– Ну он же... Я думал, ты знаешь.

– Что знаю?

– Ну уехал он! Улетел куда-то. То ли в Германию, то ли в Австрию, не знаю точно. Мне, как ты понимаешь, не докладывают. Так, уши нагрел слегка, когда он с Виталиком перетирал. Сегодня с утра пораньше вызвал меня, тачку другую всучил, указаний надавал и свалил.

– Один?

– Не понял.

– Один? Или с Боярской?

Макс даже голову повернул в мою сторону. Неужели я сказала это как-то по-особенному? Но тут же отвёл взгляд.

– Точно не знаю, но... Да ну, куда ей-то? Мандец такой с

Вуд-Люксом. Кто-то же должен на месте быть?

– Кстати, что там нового-то? Не штурмовали ещё?

– Нет. Но там кому-то из работяг плохо стало, медиков прям туда, на территорию пропустили. Они его на носилках вынесли. И под это дело рейдеры пустили пулю в СМИ, мол, Машкову посрать на людей, одни бабки на уме. И тогда к митингующим потянулись трудяги с других Батиных контор. С плакатами, обвиняющими журналистов в продажности. Короче, там сейчас такая жопа – хоть государственный переворот под шумок устраивай.

– Почему же тогда он сам уехал?

Макс пожал плечами.

– Ладно, давай, Люд. Ты еле живая уже. Спи.

– Спасибо, Макс. Пока.

Глава 13

07.06.1995г. Среда.

– Ты не заболела? – как-то странно глянул на меня Макс и повернул ключ в зажигании. – Бледная какая-то.

– Макс, твою мать... Я просто ненакрашенная, понял? Смотри, вон, на дорогу!

Умник, блин. А то я не знала, что стрёмно выгляжу! Если вчера на мне были хоть какие-то остатки косметики, то сегодня я была чиста, как младенец. Ну и хрен с ним. Вообще пофиг! Что такое отсутствие макияжа по сравнению с единственным комплектом одежды и обуви? Причём, не самой удобной одежды! Были бы хоть джинсы и кроссовки, а то, ведь, коротенький сарафанчик и красивые, но жутко неудобные босоножки-ремешки, на каблучищах! А волосы, вымытые без шампуня? А небритые третий день ноги? Я уж не говорю о мазне, хотя после нормальных месячных прошла всего неделя.

Это особенно встревожило. Я хорошо помнила то, январское, кровотечение, которое произошло так же на фоне стресса. И тоже по поводу Дениса, между прочим!

Правда, в этот раз мазалось совсем немного, но всё-таки. Я даже пару раз перечитала инструкцию к таблеткам – благо хоть они-то оказались у меня в сумочке! Это был не просто «Марвелон», а какой-то «Марвелон—Нео». В Московской

аптеке, где я его купила, другого не было, а аптекарша завила, что это то же самое и даже лучше, потому что «новое поколение». Да и в инструкции говорилось о том, что препарат является полным аналогом и не требует коррекции дозы и схемы приёма при переходе на него с прежней версии. Зато обещали эффект укрепления волос, ногтей и улучшения качества кожи лица. Ну ладно. Спишем мазню на нервы.

Попросила Макса посадить меня не доезжая до технаря, возле ларьков. Время в запасе имелось достаточно, а мне нужно было купить на всякий случай прокладки, ну и что-нибудь простенькое из косметики тоже не помешало бы. Выходя, вспомнила:

– Макс, а ты слышал новую песню у Наутилуса?

– Нет, а что, вышло что-то?

– Угу. Слушая наше дыхание, я слушаю наше дыхание...

Ну что-то такое. Макс, не в службу, а в дружбу – будет время, посмотри, пожалуйста, этот альбом в отделах, а?

– Что, классная?

– Очень.

– Ладно, гляну. Тебе кассету?

– Естественно!

– Ну, мало ли... А то, может, диск?

– Не Макс, я теперь пролетарий. Мне бы кассетник потянуть.

– Слушай, – он замялся на мгновение, словно решая спрашивать или нет. – Я всё-таки не понимаю, как он тебя отпу-

стиль-то? У него же это, клин на тебе!

– А проще простого, Макс! Я ему сказала: «Знаешь, Денис, Максим посоветовал мне валить от тебя» А он подумал, и говорит: «А, ну если Макс советует...» И отпустил. Всё? Все вопросы?

Он улыбнулся:

– Ладно, понял – не моё дело. Ну давай, тогда, удачи. И не шлейся больше по ночам, свободная женщина!

Сколько я не видела Ленку? Что-то около пары недель, а ощущение было, как будто полгода прошло. Столько всего случилось! И как хотелось, просто жизненно необходимо было слить хотя бы часть этой информации на голову, способную мыслить критически. Способную вместо вежливых сахарных соплей выдать что-то вроде «да ты долбанулась, Кобыряка!» и показать происходящее под совершенно иным углом. И какая же, мать его, обидная засада была в том, что именно этой, единственной во всём мире адекватной башке я не могла сказать ничего из того, что меня жгло. Вообще ничего!

Ленка тоже заметно изнывала от желания поведать мне что-то, но словно не решалась. Забавная ситуация. Я-то знала, от чего её распирает!

А вообще, если посмотреть совсем со стороны, то ситуация – debilнее не придумаешь. Молчим как партизанки, хотя на самом деле связаны в такой узел, что хрен развя-

жешь. Если только рубить.

– Ты что-то какая-то... полудохлая, – наконец сказала она мне, когда консультация закончилась, и мы вышли из аудитории. – Старпёр нашёл себе другое тело? – Я скорчила кислую рожу, и Ленка понятиливо хмыкнула: – Вот козёл! Ну и чем же оно круче твоего? Ты её видела?

– Да мне пофиг, Лен. Какая разница? Разошлись и хрен с ним, другого найду.

– Тоже верно. Это тебе ещё повезло, что легко отпустил. А то, вон, слышала, на днях в лесополосе тело девчонки нашли? Собаки из ямы вырыли. Говорят, замученная. Ну в смысле – истязал её кто-то. До смерти.

– О Господи, Лен, ты в своём репертуаре! – меня передёрнуло. – Причём тут это вообще?

Она пожала плечами:

– Да кто знает-то, может, тоже с авторитета какого-нибудь соскочить хотела, а он был слегка против?

– Фу, блин... Хватит! Ты скажи лучше, чего сама такая довольная?

Она засияла.

– О, тут говорить – не переговорить. Короче, помнишь Макса? Ну, на Паждеро?

– Ээ... Не очень.

– Ну ладно тебе! Который кружил вокруг меня, зимой, весной – помнишь?

– А, этот...

– Угу. Прикинь, он, оказывается, на папаню моего работает!

– Да ладно... Серьёзно? Кем?

– Говорит, водилой. Кстати! Ты видела новости? Про завод этот деревообрабатывающий?

– Ну... что-то слышала.

– Это, оказывается, отца моего бизнес! Прикинь?

– В смысле?

– Сама в шоке! Вообще, даже не подозревала! И мать тоже. Они и так-то поругались вусмерть, когда я ночевать не пришла, а через день ещё и это всплыло! Просто мандец, короче! Представь – с одной стороны он, бесится, что мать разрешает мне гулять, а с другой она – что отец, оказывается, скрывает от неё реальные доходы. А хреново угадай, кому? Правильно, Леночке! Вот во всём у них размандец, а в том, что меня надо под домашний арест – на этом, блядь сошлись... Хорошо даже, что их потом бомбануло так.

Я молчала. Вообще зыбкая тема, соскочить бы с неё...

– А ты реально дома не ночевала? Как? Ты ж обычно не провоцируешь?

– Ну знаешь, – мечтательно вздохнула Ленка, – то обычно. А это – необычно.

– В смысле?

– Короче, – она схватила меня за руку и, ловко лавируя между студентами, поволокла к туалету. Войдя, подпёрла дверь изнутри шваброй, достала сигареты. – Короче, Макс

этот... Ну, в общем, мы с ним теперь встречаемся.

Я изобразила удивление и срочно наклонилась поправить ремешок на босоножке. Завозилась подольше. Очень боялась спалиться. Наконец выпрямилась.

– Ты же говорила он тупой?

– Когда это я такое говорила?

– С самого начала, ещё в первый раз, когда он нас подвёз. Не помнишь?

– Да не может этого быть, Кобыркова, ты меня с кем-то путаешь! – Посмотрела на меня смешливо сквозь дым, пихнула в плечо: – Да ладно, не завидуй! Найдём тебе тоже кого-нибудь. Кстати, ты где сейчас, у матери? Не хочешь съездить куда-нибудь, потусить? Макс, может, друга какого-нибудь возьмёт.

– Ты же под арестом?

– Пфф... Оба предка свалили. Представляешь – ОБА! Мать сегодня, в Питер, якобы на педагогический форум, а отец ещё вчера – якобы куда-то в командировку. Свобода, представляешь? А сейчас ты вообще охренеешь. Готова? – схватила меня за руку, выдержала небольшую паузу. – В качестве наблюдения, отец приставил ко мне Макса, прикинь? Запустил лису в курятник, называется!

И она рассмеялась. Я смотрела на неё и видела – счастлива. Не тем, что предки свалили, не тем, что арест им обломался, а именно присутствием в своей жизни Макса.

– Лен... – я замялась. Хотелось спросить главное. И хоте-

лось, чтобы она ответила как есть – не забалтывая, не засмеивая. Мне почему-то было важно это услышать. – Ну а что у вас с ним вообще? Любовь или так, просто?

Она замолчала. Курила, привалившись животом к подоконнику, смотрела в окно. А я смотрела на неё и не понимала, как раньше не видела их сходства? Например, оттенок глаз: у Ленки зелёно-серые, у Дениса скорее серые, но и зелень плеснула крапинками по краю радужки. Нос красивый, прямой – одна форма, только у Ленки в женской вариации, более утончённый. Губы тонкие, с красивым строгим изгибом – что у него, что у неё. Привычка, задумавшись, щуриться. Характер этот вспыльчивый...

– Ты знаешь, – наконец ответила она, – я ведь ему полтора месяца мозг выносила. На какую только херню его не толкала, прям издевалась от души, а он... как дурачок какой-то, всё делал. – Помолчала. – И при этом, я ведь не то, что не давала ему, не то, что не целовались – я даже прикасаться к себе не разрешала! Даже просто за руку взять, прикинь? Честно – думала свалит. Где-то даже хотела, чтобы свалил...

– Почему?

Она пожала плечами:

– Ты серьёзно думаешь, что я не помню, как называла его тупым? Понтовщиком на папкиной тачке? Пфф... Помню, конечно. И очень долго была убеждена, что так оно и есть. Я, если честно, даже подозревала что он параллельно и с тобой крутит. Бесилась. Хотела доказать ему что-то... а сама,

блин, даже просыпаться без будильника начала, потому что с утра ждала уже, когда он нарисует. А он, сволочь, не всегда приезжал. Сейчас-то я понимаю, что его папаня пригрозил, но тогда... Я вела себя как последняя стерва, серьёзно. Специально. Хотела что бы спалился хоть в чём-то, хоть где-то прокололся. А он в один прекрасный день пригласил меня на природу, обещал сюрприз и романтику, а сам приехал, знаешь на чём?

Я ткнулась лбом в стекло, улыбнулась:

– На чём?

– Не семё-ё-ёрке, Люд! – почти шёпотом протянула она. – Представляешь? На старенькой семёрке! На свидание! После Паджеро! Припёрся, блин, и сказал: вот он я, вот моя тачка, сам интернатовский, ни кола, ни двора, работаю на твоего батю. Решай, говорит: да – да, нет—нет, а я, типа, так больше не могу. Ты прикинь?

– А ты?

– А что я? Я заревела. Он испугался, думал, разочаровал меня по самое не могу, а я просто охренела тогда. Как-то так, знаешь, подумала вдруг: а если бы он не выдержал моей шизанутости и свалил? Где бы я такого ещё нашла? – Помолчала, задумчиво улыбаясь. – А если бы ты знала, какой с ним секс, Люд! Сколько у меня этих мужиков было, а такой, который обо мне думает, когда трахается – впервые. А хочешь охренеть окончательно? Он первый, с кем я реально кончила. Серьёзно. До этого только симулировала, а потом

сама догонялась. Так что это не любовь, Люд, это, блин... Помешательство какое-то. Такое впечатление, что мы с ним одно целое... Не знаю, как по-другому объяснить.

– Отцу будешь говорить? – В носу свербело. Хорошо, что я не побоялась её спросить. То, что она сказала, действительно было светом для души. Даже для моей.

– Макс сказал, сам всё сделает. Сейчас отец с заводом решает, успокоится немного и тогда можно будет.

– Не бойтесь?

– А что он сделает? Будет орать – распишемся тайно, да и всё. Тогда пусть хоть оборётся. А вообще знаешь, Люд, я тут поняла... Все эти богатые любовники – это всё такая дурость! Глупо размениваться на это. И ещё, знаешь, покоя не даёт то, что ты тогда, считай, по моей указке вляпалась во всё это. Помнишь, в заброшке сидели, я тебе прогоняла, что ты дура будешь, если в клубешник с тем типом не пойдёшь? Ну, осенью, помнишь? А ты мне что отвечала, помнишь? – «А как же Лёшка»... А он ведь реально тебя любил, так переживал, что ты его динамишь. Как будто чувствовал, что тебя несёт. Блин, Люд, я такая сука. Мандец, как тяжело это понимать.

Голос её дрогнул и я, боясь, что сейчас мы как две дуры утонем в соплях и слезах, приобняла её одной рукой.

– Да всё нормально, Лен, я не жалею. Серьёзно. Если бы я тогда не пошла в тот клуб, кто знает, как всё было бы? А так – я за это время даже счастлива иногда была. По-настоящему.

– Ты не врубаешься, – упрямо мотнула головой Ленка. – Вы с Лёшкой пара. Вас сразу было видно, ещё со школы, понимаешь? Меня это бесило, я завидовала просто до чертей, но по факту, когда вы вместе от вас, знаешь, аура какая-то. Такая, прям – у-у-ух! Аж сносит. А когда порознь – её нету. Не отдавай ты его Барбашиной! С какого бы хрена?

– Причём тут она?

– А ты видела её довольную рожу сегодня? Сияла! Последний раз я её такой довольной видела на новогодней вечеринке, когда она с Лёшкой танцевала. Он когда в армию уходит, не знаешь?

– Вроде шестнадцатого или семнадцатого. Июня.

Ленка кивнула.

– Десять дней это целая жизнь, Люд. У нас с Максом сегодня пятый день, как объяснились, а мне кажется, он был всегда... Вот и ты не тупи.

Макс ждал практически напротив входа. Вот она – легальность! Когда не надо ныкаться, когда стоишь себе, облокотившись об крышу тачки и счастливо улыбаешься, при виде «хозяйки». Ленка потащила меня к машине, но я упёрлась.

– Нет, Лен, я пойду. У меня дел – вагон!

– Да просто поздороваешься, вы же тоже как бы знакомы!

– Потом как-нибудь, Лен. Всё, давай...

И мы, чисто по наитию, обнялись, вдруг, и чмокнулись в щёки. Никогда раньше так не делали, больше того – посме-

ивались над теми, кто делал, а теперь – на, вот тебе... Само собой получилось. От души.

Заворачивая за угол, невольно обернулась. Ленка уже села, Макс прикрыл за ней дверь и тоже обернулся. Я поймала его слегка растерянный взгляд, но не могла даже подмигнуть в ответ или, там, палец большой поднять, давая понять, что всё нормально.

Нефиг. У вас ребята всё так гладко и красиво, что в вашу сторону даже дышать страшно. Тьфу, тьфу, тьфу!

Глава 14

С утра не ела и до сих пор не хотела. Потерянная, брела по улице в случайном направлении. Предстоящая вечером работа пугала, потому что сил, ни физических, ни моральных, не было. Зато была целая прорва свободного времени... которое нечем занять. А от безделья дурные мысли.

В тысячный раз проживала наш последний вечер. В тысячный раз ковыряла рану на сердце. Как он мог? Воображение рисовало варианты, неизменно похожие на кадры из «Санта-Барбары»: красивая жизнь, шикарные заграничные интерьерчики какого-нибудь киношного «Ориент Экспреса», утомлённая делами парочка с бокалами в руках. Боярская изящно поглаживает ножку своего – с шампанским, Денис, цепко, словно женскую грудь, греет в ладони свой – пузатый с коньяком. Его задумчивый, серьёзный взгляд из-под сведённых бровей – на неё. Оценивает. Ольга ему нужна, она ему полезна. Она для него больше, чем просто женщина – она часть его жизни.

«Грёбанные восемь лет дерьма и крови – как вы брать-то?..» – это его слова. Его правда.

Он устал. Он смотрит на её расслабленно-вызывающую позу и...

Что потом? Может, лифт и случайное прикосновение, за которым безумие страсти – порыв, против которого не усто-

ять? Или спокойное деловое предложение пройти в номер, чтобы расслабиться? А хрен ли стесняться, с их-то прошлым? А может, она сама забирает из руки Дениса бокал и без лишних слов льнёт к его губам? И всё понятно, и обстановка располагает – так хрен ли отказываться? Потому, что дома ждёт девочка-припевочка? Пха! Ну и пусть подождёт, чай не на бобах сидит, а в шикарных условиях...

И ведь я ничего не придумывала. Картины, всплывающие перед глазами, были похожи на мозаику, сложенную из рассказов самого же Дениса: о его свободных отношениях с женщинами, о его странных отношениях с Боярской. «Это удобно» – так он когда-то пояснил их связь. Вместе ездить, вместе работать, вместе расслабляться. Три в одном. Действительно удобно. Идиллия.

Так, утонув в этих разъедающих мыслях, я поняла вдруг, что иду мимо клуба «Удача», того самого, с которого всё началось. В нём я впервые узнала жадность рук и вкус губ Бати-Стройбата. И не только губ, кстати. Окатило воспоминаниями.

В первый раз Денис казался совсем другим. Ничто не выдавало в нём авторитета. Скорее повесу. Бухал, курил, ржал с мужиками. Даже танцевал. Со мной. Бесцеремонно лапал, смотрел в глаза – так прямо, словно видел насквозь, словно рассказывал взглядом как он будет меня трахать. И у меня от этого взгляда реально подкашивались ноги и мокрело в трусах. И уже тогда я, девочка-целочка, расслабленная шам-

панским, думала: а что если и правда, дать ему? И эта дикая мысль даже не подвергалась критике со стороны вечно ворчащего на поползновения Савченко мозга. Какой там! Мозг плыл. Стекал в трусы. На страже оставались только зыбкий страх боли и смущение...

ТОТ Денис был совсем другой. С ТЕМ я никогда не выдержала бы полгода. Ведь уже тогда я ревновала, ловя его скользящий по танцующим девкам взгляд и замечая дикий интерес, который вызывал в их глазах сам Денис. По сути, я была там лишняя. Просто пьяная и голодная до внимания Красная шапочка в лесу полном волков.

Но что, если ТОТ Денис и есть настоящий?

Чёрт!.. Больно. Вспоминать, представлять, делать выводы.

Но воспоминаний было море. Ещё бы! Тогда моя жизнь сделала первый крутой вираж... Мой первый раз, романтика и влюблённость... А Денис просто думал, что я поблядушка. Не проститутка, а именно девочка без башки, давалка. Поэтому и позвал на Базу, поэтому и трахнул. И сам же рассказал мне потом об этом, я всё прекрасно помню. Рассказал, что удивила тем, что оказалась целкой. Зацепила, задержала на себе его внимание. Не я, вот в чём соль, а грёбанная девственность...

Чем больше я думала, тем больше впадала в агрессивное упрямство. Ладно, пусть так. Пусть я просто девочка без мозгов. Правильно выразилась сегодня Ленка – я *тело*. Но мне не приснились все эти ночи с ним, не приснились слова,

что он шептал мне в угаре страсти и его ревнивые взгляды – тоже не приснились. А значит, я тоже чего-то да стою. Всё идёт, как идёт. Так как должно быть. И это только начало моей жизни.

У той же Ленки с её первым разом всё было намного хуже, и ничего – выправилось! И я смогу.

В порыве гнева обнаглела и, неожиданно для самой себя, поехала в салон красоты, тот самый, куда возила меня Боярская перед зимним свиданием с Денисом, потом перед Зойкиным юбилеем. А почему нет? Как говорила Ольга – связи дороже денег. Отлично. Проверим.

Пока сидела на маникюре, а потом на мытье головы, на лёгкой укладке и макияже – чуть не смеялась. Вспомнила, как зимой, когда рассталась с Денисом в прошлый раз, Ленка науськивала меня сходить в отдел к Ирине Степановне и под шумок взять шмоток, с тем, чтобы толкнуть их потом на барахолке. И куда я её на это послала, тоже вспомнила. Я ведь тогда боялась Дениса, думала, что узнает и приберёт меня за такую наглость. Смехота, да и только!

Оказалось же, что Марина и Света из салона красоты счастливы обслужить меня «за спасибо». И я даже не поинтересовалась, сколько это спасибо весит в рублях – не моё дело. Только пожалела, что не захаживала сюда регулярно, когда была возможность и легальное право. А теперь... Перед смертью разве надышишься? Нет. Но попытаться стоит. Поэтому из салона я направилась прямиков в ЦУМ, к Ирине

Степановне.

Прибарахлилась по полной: от спокойной, но от этого не менее фирмóвой повседневки вроде шортиков и джинсов, до парочки шикарных платьев на выход. Так, на всякий случай. Обувь на плоском ходу, туфли на шпильке. Уже перед выходом из отдела увидела в витрине простенький сарафанчик из чёрного шёлка – точно такой, какой по совету Зойки примеряла в Московском бутике. Как там – Франция, последняя коллекция? Угу.

Единственный экземпляр – на манекене. Мой размер. Ну что ж, будем считать это знаком свыше.

Померила. Первое впечатление осталось прежним – вот реально, на коротенькую ночнушку похож. Лёгкий шёлк так и льнёт к телу, ляпочки тонюсенькие, норовят соскользнуть с плеч. С лифчиком такое не наденешь, а без него... Шикарно, иначе и не скажешь! В прошлый раз я не заметила того, как красиво подчёркивается грудь, как изящно смотрится оголённая спина, а в этот – сама на себя залипла. Что значит – салонная причёска и макияж. Да и шмотка действительно эффектная! И ведь Зойка определила это тогда с одного взгляда. Вот он – глаз, намётанный на шикардос!

Машинально глянула на цену – в два с половиной раза выше Московской! Ох, родной Мухосранск... люблю тебя, братан! Ты такой же по жизни охреневший, как и я.

Шикануть что ли? Тем более что Ирина Степановна ужом вьётся, так и сыплет комплиментами... Да, хрен ли там, бе-

ру!

В нём и пошла.

Выскочила из Цума с красивыми пакетами в обеих руках и сразу же словила долгий заинтересованный взгляд от проходящей мимо компании парней. Они даже обернулись несколько раз мне вслед. Приятно, чёрт... Если бы это внимание не подчеркнуло вдруг щемящую пустоту в груди. Хотя все покупки туда засунь, все салоны и липкие взгляды – не заполнишь.

Стоп. Не думать об этом. У меня всё только начинается – поэтому и пусто. *Пока*

Собралась ехать в гостиницу, но по привычке чуть не прыгнула в автобус до белокаменки. В последний момент осознала, отшатнулась от дверей и, нелепо взмахнув пакетами, налетела спиной на деда с авоськой. Он буркнул что-то и грубо отпихнул меня в сторону. Я, растерянно пошатнувшись на шпильках, шагнула обратно на бордюр, и вдруг обернулась, побежала взглядом по немногочисленным ожидающим свой транспорт людям... Словно почувствовала что-то. А найдя причину, вздрогнула и отвела взгляд. На мгновенье. Ну потому что глупо это, вообще-то.

Лёшка стоял чуть поодаль, у другого края остановки: в ушах плеер, на плече спортивная сумка, руки в карманах – и смотрел на меня. Обалдело смотрел. И, как там сказала Ленка: «Уу-у-ух! Аж сносит»? Так вот – да. Сносило. И кровь в ушах зашумела. И слабость под коленками появилась

вдруг. Интересно – это только у меня так? Почему в последнее время каждый раз, когда я его вижу, я словно вижу его впервые? Каждый раз поражаюсь его росту, стати и симпатичности? Потому что в моём представлении он навсегда пацан с прыщавыми щеками? Доставучий новенький из десятого Бэ? Чёрт его знает! Но сейчас мы смотрели друг на друга, выпав из реальности, и сердце зашкаливало от радости случайной встречи. Словно теплом каким-то повеяло. Светом. Та самая аура? Возможно.

И вот, в тот момент, когда я, безнадёжно примагничиваясь, улыбнулась и сделала шаг к нему навстречу – он словно очнулся. Повёл плечами, опустил взгляд... И отвернулся. Шагнул чуть вперёд-в сторону, поправил наушник в ухе и уставился на дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.